

Русская Православная Церковь. Московский Патриархат

Похвальное Слово

«Чтение богословских книг просвещает разум» свт. Тихон Задонский.

Печатается по благословию митрополита Волгоградского и
Камышинского Германа.

Регулярное печатное издание Храма Похвала Пресвятой Богородицы
Журнал выходит один раз в месяц. Настоятель иерей Евгений Катаев.
Июль 2013 г.

Сайт храма Pohvala-hram.ru

**Бесплатный православный
журнал для повышения
богословской грамотности
среди мирян.**

Сегодня в номере:

Новости Патриархии. Слово Святейшего Патриарха на праздник Преображения Господня в Соловецком монастыре. Стр. 3.

Новости Волгоградской епархии. Купола храму. Стр. 6.

Изучаем и понимаем Новый Завет. Четвероевангелие. Родословие Господа Иисуса Христа по плоти. Стр. 7.

Изучаем и понимаем Новый Завет. Деяния апостолов. Глава 5. Стр. 8.

Наше богословское творчество. Император Юлиан Отступник. Стр. 14.

Глубокая поэзия. Павел Борознин. Стр. 16.

Богословский словарь мирянина. Триадология. Стр. 16.

Изречение святого. Св.праведный Алексей Мечев. Стр. 16.

Духоносные размышления святых отцов. прп. Серафим Саровский. Стр. 17.

Православное учение о молитве. Продолжение доклада о молитве, ч.3.Окончание. Стр. 18.

Современное православное богословие. «Мистика ума» и «мистика сердца» в свете святоотеческой антропологии. Стр. 21.

Жизнь святых наших. Святые августа. Стр. 37.

Мирянин миссионер. Ислам. Стр. 40.

Великие церковные праздники и события. Беседы на Символ Веры. Беседа 3. Стр. 42.

Обычное Божественное чудо. Стр. 51.

Немного юмора. :-) Стр. 51.

Контакты. Стр. 52.

P.S.

Просим молитв. Стр. 52.

Новости Патриархии.

19 августа 2013 года, в праздник Преображения Господня, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил Литургию в соборном храме Соловецкого монастыря. По окончании богослужения Предстоятель поздравил верующих с престольным праздником обители и обратился с проповедью.

Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства! Досточтимый отец Порфирий! Дорогая братия сей святой обители! Дорогие отцы, братия и сестры – участники сегодняшних престольных торжеств в Свято-Преображенском ставропигиальном Соловецком монастыре!

Действительно, праздник совершенно особенный. Со словом «преображение» всегда связывается надежда на лучшее будущее. Это слово используется не только в Священном Писании, не только в богословии, не только в литургических текстах, но и в нашей повседневной речи. Когда мы говорим о преобразении, мы подразумеваем новое состояние, отличное от предыдущего, мы подразумеваем некую принципиальную перемену огромной важности. Перемену, которая, несомненно, приведет к лучшему, чем было до того. Именно поэтому мы говорим о преобразении личности, о преобразении общества, о преобразении государства, всякий раз вкладывая в это слово свою надежду.

А праздник Преображения возвращает нас к этой замечательной истории на горе Фавор. Господь там преобразился – из обычного человека, каким Он виделся каждому, Он стал иным. Его лицо, Его одежды блестели, как снег, говорит апостол (см. Мф. 17:1-9). Что такое снег для тех южных широт? Это нечто уникальное, удивительное, это некий эталон чистоты и красоты, отражение неба на земле. Ведь только на горной вершине Хеврон были небольшие участки снега. Наверное, тогда, как и сегодня, жители Палестины, взирая на ту высоту, восторгались снежным покровом. Потому и используется этот образ снега как символ белизны, чтобы сказать о чувствах апостолов, которые увидели преобразенного Спасителя, сияющего, как снег на горной вершине.

Для чего же потребовалось это Преображение буквально накануне, совсем незадолго до страданий Спасителя? Кондак сегодняшнего праздника отвечает нам на этот вопрос: дабы страдание видя вольное, миру бы проповедовали. Почему нужно было в преддверии этих страданий вольных показать славу Господа? Чтобы не помрачилась вера апостолов, чтобы, взирая на Христа окровавленного, униженного, распятого, являвшего Собой символ слабости и поражения, они, помня о Преобразении на Фаворе, верили, что распятие – вольное, и чтобы распятие не помешало им проповедовать этот образ униженного Спасителя миру во спасение.

Среди тех, кто присутствовал на Фаворе, был апостол Петр. Именно он, как свидетельствует евангелист, сказал, не зная, что говорил, Самому Господу: «Нам здесь очень хорошо быть. Давай построим три сени, три палатки: одну – Тебе, одну – Моисею, одну – Илии». Он был в памяти, в сознании, у него была своя реакция на то, что происходит, и он выразил ее в этих неумелых, непонятных словах, сказав, однако, самое главное: что на Фаворе было хорошо, что эта блистающая слава Спасителя пронзила недоуменное сознание апостолов, что для них это был действительно реальный опыт соприкосновения с Божиим Царством и с вечностью.

А что же произошло потом? Когда Спаситель был арестован, когда Его повели во

двор первосвященника Каиафы, когда начался допрос, – что произошло с Петром, который был свидетелем Преображения? Он испугался, и не он один. Мы ничего не знаем об Иакове, который тоже был на горе Фавор, но и он наверняка убежал вместе с другими из числа Двенадцати апостолов. Только Иоанн, как мы знаем, юнейший, сохранял великое чувство привязанности и любви к Спасителю, что помогло ему не убежать, не скрыться, но вместе с Матерью Господа стоять на Голгофе. А все остальные, включая Петра, разбежались.

Как же опыт Преображения, опыт лицезрения Божественной славы? Он был впустую? Он, стало быть, не уберег апостолов от страха, не уберег от отречения даже Петра, того самого, который палатки хотел строить на горе Фавор – так радостно было ему? Действительно, и Петр отрекся, и апостолы разбежались. Неслучайно мы сегодня за Литургией читали отрывок из Второго соборного послания апостола Петра (2 Пет. 1:10-19). Соборным это послание называется потому, что обращено не к каким-то конкретным адресатам, не к тому или иному городу, не к той или иной общине, а ко всему христианскому миру. Вот апостол Петр и говорит: «Братия, твердо стойте в звании и призвании, которое вы имеете, потому что только через эту стойкость вы спасетесь».

Одна эта фраза из сегодняшнего послания помогает нам понять, какой опыт пережил апостол Петр и на горе Фавор, и в момент отречения. Эти слова идут из глубины его души, из его собственного трагического опыта. Он понял, что только твердость в звании и в призвании способна уберечь, как он говорит, от претканий, то есть от ошибок, в том числе от измены, от потери веры, от ослабления духовных сил, от разочарований.

Каждый из нас в той или иной мере соприкасался с тем, что можно охарактеризовать как присутствие Божией благодати. Это происходит и во время богослужения, особенно совершения Таинства Святой Евхаристии и Таинства Крещения над взрослыми людьми. Это происходит в моменты молитвенного уединения, особенно у иноков, у тех людей, которые живут в полном одиночестве и во время ночной молитвы, при мерцании лампы, испытывают особое вдохновение, особую радость, особое присутствие Божие. Думаю, есть и среди вас, братие, те, кто может подтвердить, что это так. Это и есть пребывание на Фаворе – соприкосновение с Божией благодатью, переживание опыта Божественного присутствия. Это и есть наш Фавор. А для людей, живущих в миру, это иногда связано с удивительными чувствами, которые человек переживает, созерцая красоту природы или даже рукотворную красоту творений великих художников, в сердцах которых была вера и которые создавали шедевры изобразительного искусства, или слыша особенно вдохновенные музыкальные произведения, которые затрагивают нашу душу. Через все это мы встречаемся с Богом, потому что за подлинным творчеством – всегда Бог; и мы испытываем некое внутреннее преобразование.

Особенно же сильно это чувство у тех, кто из неверия приходит к вере, кто, встретившись с Господом, реально чувствует Его присутствие и считает, что теперь он начнет новую жизнь, что все старое оставлено позади: не будет больше грехов, не будет больше соблазнов, не будет больше измен, не будет больше разочарований; теперь он уже с Богом и никогда с Фавора не сойдет. А потом оказывается, что в жизни происходит другое, – мы сходим с Фавора и снова оказываемся в гуще толпы, в гуще повседневной жизни с ее соблазнами, с ее проблемами, с ее конфликтами; и как часто мы теряем то вдохновение!

Иногда приходится слышать даже от священнослужителей: «Я потерял то, что имел в момент хиротонии. Вспоминаю как действительно фаворское чудо ту радость, которую испытывал в момент хиротонии, ту силу духовную, которая сопровождала меня первые годы служения, — а теперь я так привык ко всему, что делаю, что совершаю, что потерял чувство страха Божиего от соприкосновения со святыней».

Но ведь то же происходит и среди иночествующих, которые взлетели в эту обитель, движимые силой благодати Божией, через какое-то внутреннее состояние, какое-то собственное чудо, перевернувшее их жизнь; а потом повседневная жизнь с ее заботами и послушаниями, с тяжелым климатом, сыростью и холодом, притупляет чувства... Каждый из нас в какой-то момент жизни проходит через внутренние кризисы, вновь и вновь задумываясь о том, что означает для него вера. Иногда кажется, что это какой-то уникальный опыт: «только у меня такая проблема — все вокруг чувствуют себя прекрасно; так почему в моей душе происходит это смятение, эта потеря или ослабление веры и благочестия?» И как тут не вспомнить слова апостола Петра, который прошел через то же, что и каждый из нас, но прошел более драматично. Он прошел через отречение от Спасителя и удивительным образом выразил свой духовный опыт присутствия на Фаворе и последующего отречения в тех словах, которые мы сегодня слышали: «Братия, будьте тверды в своем звании и призвании, и тогда никогда не поколеблетесь».

Эти слова — действительно не от мудрости, не от образования, не от знания, а от реального опыта апостола. Здесь же он говорит, что свидетельство апостольское о присутствии Господа Иисуса Христа — не от хитросплетенных басен, но от апостолов как очевидцев славы Божией. Насколько же мы должны доверять этому свидетельству апостола Петра, который ничего не скрывает, который в послании, нами прослушанном, свидетельствует о своем собственном опыте отпадения от Спасителя и утверждает, что только твердость и последовательность могут оградить нас от преткновения!

А что это значит в конкретных жизненных категориях? Это значит, что не следует драматизировать, как иногда бывает, ослабление благочестия или веры в какой-то момент своей жизни. Нужно отбросить все эти негативные эмоции. Нужно вспомнить и об апостоле Петре, и о Фаворе, и об отречении, и быть твердым в своем уповании, твердым в своем призвании. А твердость означает терпение, мужество, способность преодолевать тревоги и проблемы окружающей нас жизни и наши внутренние тревоги и проблемы.

Иногда сторонним людям кажется, что религия — удел слабых. Нас учили в безбожное время, что человеку сильному никого не нужно, что он сам все сделает в жизни, сам проложит пути для своего благополучия; а вот слабым людям — им Бог нужен, им нужно на кого-то опираться, потому что на самих себя опереться они не могут. Глубочайшее заблуждение. Религия — дело сильных людей, хотя бы потому, что религиозный выбор требует необычного отношения к самому себе, необычной пронизательности и способности разобраться во внутренних перипетиях своей духовной жизни. Хотя бы потому, что этот выбор требует идти против мнения большинства людей, которые, может быть, формально связывают себя с верой, но не живут по вере. И, что самое главное, вера требует от нас постоянной внутренней работы, той самой твердости в призвании и уповании.

Сегодняшний праздник Преображения, который являет нам дивный образ просветленного, во славе явленного Христа, должен помочь каждому, кто переживает внутренние трудности, у кого происходит ослабление веры, разочарование, выгорание, как иногда теперь говорят, религиозного чувства.

Событие Преображения должно помочь осознать, что через эти искушения проходит каждый человек, и для того чтобы войти в невечернее Царство славы Божией, как об этом также говорит в нынешнем апостольском чтении первоверховный апостол Петр, нужна твердость в призвании и уповании. И да поможет всем нам Господь преодолевать свои внутренние духовные проблемы, оставаясь сильными в своей вере и способными быть верными Христу даже до смерти.

Я хотел бы сердечно поблагодарить Вас, отец Порфирий, за добрые слова, которые Вы сказали, за подарок. И я хотел бы со своей стороны преподнести Спасо-Преображенской ставропигиальной Соловецкой обители этот образ Христа Вседержителя, Христа Великого Архиерея с предстоящими, среди которых наши великие просветители Кирилл и Мефодий и прочие святые и преподобные отцы, прославившиеся своей верностью Христу и через эту верность научившие народ наш и другие православные народы тому, что означает быть христианином. Я хотел бы передать этот образ с соответствующей надписью на память святой обители с просьбой к братии о непрестанных молитвах за своего Патриарха. А каждому из участников сегодняшнего торжества хотел бы преподнести изображение Преображения Господня с Патриаршим благословением. Попрошу братию сразу после службы раздать всем участникам это благословение. С праздником, дорогие мои!

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси

Новости Волгоградской епархии.

Знаковое событие для всех православных волгоградцев произошло 16 августа в Советском районе Волгограда. На строящийся верхний храм во имя Рождества Христова установили купола. Теперь с крестом высота сооружения достигает 30 метров.

Раиса Мурзина, прихожанка: «Этого события ждали 14 лет. Мы такие радостные, мы такие довольные, что в сегодняшний день наши мечты и наши желания сбываются, что сегодня поднимаются купола».

Еще до начала работ строительную площадку заполняют прихожане. Они обрели этот приход еще в 1999 году, служить тогда приходилось в металлическом вагончике. Вместе с храмом росли - он прирастал капитальными кирпичными помещениями, прихожане росли духовно.

Татьяна Тарасова, прихожанка: «Слезы на глазах, потому что это здорово, что мы дождались этого».

Работы по возведению этого храма действительно затянулись, но ведь на скромные пожертвования такой объект не воздвигнешь. Когда масштабные работы все же начались, службу проводили в цокольном помещении. Сегодня, спустя 14 лет, по словам настоятеля Дмитрия Чернявского, можно говорить, что большая часть работы выполнена.

Дмитрий Чернявский, настоятель храма Знамения Пресвятой Богородицы: «Когда ставится главка на храм, можно смело сказать, что храм уже построен».

Храм выполнен в так называемом новгородском стиле. Купола изготовлены из нитрита титана, внешне очень похожем на золото. Центральный купол весит почти три тонны, чтобы его поднять и поставить, требуется настоящее мастерство. Крановщик Виктор Пожидаев работы не боится. Но волнение не скрыть.

- Для меня это большое событие, волнительное. Мне никогда не приходилось ставить купола.

Среди прихожан и почетные гости, в их числе Роланд Херианов. Он внес большой вклад в строительство храма.

Роланд Херианов, первый заместитель председателя правительства Волгоградской области: «В следующем году мы приступим к строительству детского центра, потому что храм должен быть наполнен и просветительской деятельностью. Кроме того, вместе с командой единомышленников посоветовались и решили, что разобьем здесь парк».

Так и будет - уверены прихожане. И заботы, что по силам, готовы брать на собственные плечи.

Изучаем и понимаем Новый Завет. Родословие Господа Иисуса Христа по плоти.

(Матф. 1:1-17 и Луки 3:23-38).

В двух Евангелиях – от Матфея и от Луки – содержится родословие Господа Иисуса Христа во плоти. Оба они одинаково свидетельствуют о происхождении Господа Иисуса Христа от Давида и Авраама, но имена в одном и в другом не всегда совпадают. Так как св. Матфей писал свое Евангелие для евреев, то ему важно было доказать, что Господь Иисус

Христос происходит, как это, согласно ветхозаветным пророчествам, надлежало Мессии, от Авраама и Давида. Он, св. Матфей, и начинает свое Евангелие с родословной Господа, причем ведет его только от Авраама и доводит до *«Иосифа, мужа Марии, от которой родился Иисус, называемый Христос.»* Возникает вопрос: почему Евангелие дает родословную Иосифа, а не Пресвятой Девы Марии? Потому что у евреев было не принято вести чью-либо родословную по линии матери. Но так как Пресвятая Дева, несомненно, была единственным ребенком у Иоакима и Анны, то, согласно требованию закона Моисея, Она должна была быть выдана замуж только за родственника из того же колена, племени и рода, а поскольку Иосиф был из племени царя Давида, следовательно, и Она – из того же рода.

Святой Лука ставил перед собой другую задачу: показать, что Господь Иисус Христос принадлежит всему человечеству и является Спасителем всех людей, поэтому он ведет родословную Господа от Адама до Самого Бога. В этой родословной, однако, есть некоторые разногласия с родословной от св. Матфея. Так, например, Иосиф, мнимый отец Господа, по Матфею – сын Иакова, а по Луке – сын Илия. Так же и упоминаемый обоими евангелистами Салафиил, отец Зоровавеля, по святому Матфею – сын Иехонии, а по святому Луке – Нирии. Древнейший христианский ученый Юлий Африкан прекрасно объясняет это законом ужичества, по которому, если один из братьев умирал бездетным, другой должен был взять на себя его жену, и *«Первенец, которого она родит, останется с именем брата его умершего, чтобы имя его не изгладилось в Израиле»* (Второзак. 25:5-6). Этот закон имел силу в отношении не только родных, но и сводных братьев, какими были Иаков и Илий. Отцы у них были разные, но мать одна, Эста. Таким образом, когда Илий умер, Иаков, взяв за себя его жену, восстановил род брата, зачав Иосифа. Отсюда и вышло разногласие, так как св. Лука ведет род Иосифа через Рисая, сына Зоровавеля, и Илия, а св. Матфей – через Авиуда, другого сына Зоровавеля, и Иакова.

Женщины, бывшие язычницами или даже грешницами, включены святым Матфеем в родословную Господа не случайно. Этим он хотел показать то, что Бог, не

погнушавшийся причислить к избранному народу таких женщин, не гнушается призывать язычников и грешников в Свое Царство: не заслугами своими спасается человек, а силою все очищающей благодати Божией.

Изучаем и понимаем Новый Завет. Деяния апостолов. Глава 5.

Деян.5:1 Муж же некий, Анания именем, с Сапфирию женою своею, продаде село

Деян.5:2. И утай от цены, сведущей и жене его: и принес часть некую, пред ногами апостол положи.

Деян.5:3. Рече же Петр: Анание, почто исполни сатана сердце твое солгати Духу Святому и утаити от цены села?

Несмотря на такое множество лиц, которые поступали так (то есть, продавали имущество и деньги отдавали апостолам), несмотря на столь великие знамения и на такое обилие благодати, Анания из всего этого не вынес никакого назидания и навлек на себя погибель. Но удивительно то, что прегрешение было по соглашению (с женою), и никто другой не был очевидцем продажи. Вот откуда у этого несчастного возникла мысль поступить так, как он поступил. Некоторые говорят, что если сатана исполнил сердце Анании, то за что же он понес наказание? За то, что он сам был виновником (того, что сатана исполнил сердце его); так как он сам подготовил себя к принятию действия сатаны и к исполнению себя его силою.

Деян.5:4. Сущее тебе не твое ли бе, и проданое не в твоей ли власти бяше? что яко положил

еси в сердце твоем вещь сию? не человеком солгал еси, но Богу.

Деян.5:5. Слышав же Анания словеса сия, пад издше: и бысть страх велик на всех слышавших сия.

Деян.5:6. Вставше же юношы взяша его и изнесше погребоша.

«Сущее тебе не твое ли бе?» То, что верующие сносили стяжания свои апостолам, неужели было вследствие насилия? Неужели мы привлекаем вас против вашей воли? «Что яко положил еси в сердце твоем вещь сию?» Три чуда в одном и том же случае: одно состояло в том, что он (Петр) узнал то, что совершено было тайно, другое - в том, что он определил мысленное настроение (Анании), и третье - в том, что Анания лишился жизни по одному лишь повелению. Многие из нечестивых, выставляя на вид то, что случилось с Ананией и Сапфирию, присуждают верховного из апостолов к смерти. Но обвинение касается не Петра, а скорее Духа Святого, произнесшего на них справедливый приговор: потому что Петр только изобличил их во лжи, а жизни лишил их обоих, как одинаково согрешивших, имеющий власть над жизнью и смертью Дух Святой. То же нужно сказать и о Сапфире; потому что не Петр убил ее; но так как прегрешение было делом обоих, то Судия одинаково наказал того и

другую. Поэтому-то Петр, как знавший об этом и всегда вещавший Духом Святым, и изрек этот, принятый им от того же Духа, глас.

Деян.5:7. Бысть же яко трем часом минувшим, и жена его не ведущи бывшего вниде.

«Трем часом минувшим». Прошло три часа, и жена не узнала (о том, что случилось с мужем), и никто из присутствовавших не сказал ей, потому что боялись. Итак, удивляясь этому, писатель изложил то и другое, то есть, и то, что прошло три часа, и то, что она вошла, не зная о том, что случилось. Заметь: Петр не зовет ее, но скорее выжидает, чтобы она вошла, когда захочет, давая ей время добровольно одуматься. Что же касается того, что никто не осмелился сказать ей о случившемся, так это произошло из страха к учителю и из послушания ему.

Деян.5:8. Отвещá же ей Петр: рцы ми, аще на толице село отдаста? она же рече: ей, на толице.

Деян.5:9. Петр же рече к ней: что яко согласастя искусити Духа Господня? се, ноги погребших мужа твоего при дверех, и изнесут тя.

«Рцы ми, аще на толице село отдаста?» Он (Петр) хотел спасти ее, потому что муж был зачинщиком греха. Поэтому-то он и дает ей время оправдаться и раскаяться, говоря: «рцы ми, аще на толице...» Быть может, скажет кто-нибудь, что Петр поступил с ними жестоко; но какая тут жестокость? Если был побит камнями собиравший вопреки закону дрова, то много более (должен быть наказан) святотатец, потому что деньги эти были священны.

Деян.5:10. Падé же áбие пред ногама его и издше: вшедше же юношы обретóша ю мёртву и изнэсше погребоша близ мужа ея.

Почему она упала у ног Петровых? Потому, что стояла близ него. А стояла она близ него для того, чтобы, если пожелает раскаяться и исповедать свое прегрешение, могла исполнить это, не стыдясь посторонних, которые в противном случае слышали бы ее исповедь.

«Обретóша ю мёртву, и изнэсше погребоша...» Смотри: более не остерегаются уже, в силу закона, касаться нечистых предметов, а прямо и без всякой осторожности касались мертвых. Обрати внимание и на то, что среди своих апостолы строги, а среди чужих удерживаются от наказаний; то и другое естественно. Последнее (нужно было) для того, чтобы не подумали, что они страхом наказания принуждают людей, против их желания, обращаться к истинной вере; а первое - для того, чтобы обратившимся уже к вере и удостоившимся (небесного) учения и духовной благодати не позволить стать людьми презренными и святотатцами, и в особенности в начале, потому что это послужило бы поводом к поношению их проповеди.

Деян.5:11. И бысть страх велик на всей церкви и на всех слышащих сия.

«И бысть страх велик на всей церкви». Те (Анания и Сапфира) были наказаны, а другим послужило это на пользу. Прежде, хотя и были знамения, но не было такого

страха. Итак, истинно, что Господь познается, суды творя.

Деян.5:12. Руками же апостолскими быша знаменія и чудеса в людех многа: и бяху единодушно вси в притворе Соломони:

Деян.5:13. От прочих же никтоже смѣяше прилеплятися им, но величаху их людие.

С того времени, как начали бояться их (апостолов), Петр и прочие апостолы творили больше чудес.

«Бяху в притворе Соломони». Пребывали уже не в доме, но в храме. Так как писатель сказал «в притворе Соломони», то чтобы ты не удивлялся, каким образом позволяла это толпа, он говорит, что «никтоже смеяше прилеплятися им, но величаху апостолов людие», то есть народ иудейский.

Деян.5:14. Пáче же прилагахуся верующии Гóсподеви, множество мужей же и жен,

Деян.5:15. Яю и на стóгны износíти недужныя и полагаѣти на постелях и на одрех, да грядущу Петру понé сень его осенит некоего от них.

Деян.5:16. Схождашеся же и множество от окрестных градóв во Иерусалим, приносяще недужныя и страждущыя от дух нечистых, иже исцелева́хуся вси.

«Яю и на стогны износíти недужныя». При Христе не было того, чтобы больные получали исцеления на стогнах и от тени. «Никтоже смеяше прилеплятися» (прикасаться). Каким же образом совершается в этом случае исцеление? Это было делом Того, кто сказал: «веруй в Мя, делá, же Аз творю, и той сотворíт и больша оих сотворит» (Ин.14:12). Со всех сторон возрастало удивление апостолам: и со стороны уверовавших, и со стороны исцеленных, и со стороны наказанных, и со стороны дерзновения их во время проповеди, и со стороны добродетельной и безукоризненной жизни. Да, это удивление проистекало не только из чудес, но и потому, что самая жизнь и добродетели этих мужей были великие и поистине апостольские.

Деян.5:17. Востав же архиерей и вси иже с ним, сущая ересь саддукейская, исполнишася зависти,

Деян.5:18. И возложíша руми своя на апостолы и послáша их в соблюдение общее.

Что значит «востав»? Это значит, что он был возбужден, взволнован тем, что говорили. Теперь нападают на апостолов с большим ожесточением, но не тотчас начинают судить их, думая, что общественная стража сильнее поразит их. Посмотри, пожалуйста, как слагается жизнь апостолов. Сначала - печаль по причине вознесения Христова; потом - радость по причине сошествия Святого Духа; снова - печаль от людей, ругавшихся над ними; и снова - радость от (умножения) верующих и от знаменія (чуда); далее - опять печаль вследствие заключения (Петра и Иоанна - Деян.4:3); и опять - радость вследствие оправдания; наконец теперь от блеска и

знамений - радость, а от архиерея и от тех, что схватили их, - печаль. Да, их жизнь, можно сказать, такова, какова жизнь всех, живущих по Бозе.

Деян.5:19. Ангел же Господень нощию отворзе двери темницы, извед же их, рече:

«Ангел же Господень нощию отворзе двери темницы». Ангел вывел их и на радость им и на пользу иудеев.

Деян.5:28. Не запрещением ли запретихом вам не учити о имени сем? и се, исполните Иерусалим учением вашим и хощете навести на ны кровь человека сего.

После этого следовало бояться Бога, охранявшего апостолов, как птенцов от рук их. И двойное укрепление темницы, то есть, и печать, и люди, и вообще все достаточно было, чтобы убедить, что случившееся было действием силы Божественной. А они говорят: «не запрещением ли запретихом?..» Что же, если вы и запретили? Вот если бы и они (апостолы) согласились тогда с вами и решили повиноваться вам, то теперешние ваши требования были бы справедливы; если же они сказали тогда, что не будут повиноваться, то какой смысл в ваших теперешних требованиях?

«И хощете навести на ны кровь человека сего». И теперь думают еще, что Он (Христос) простой человек. Говорят же так, желая показать этим, что запрещение было необходимо для них, и что они распорядились так, щадя свою жизнь; а скорее говорили это для того, чтобы раздражить против них толпу.

Деян.5:29. Отвещав же Петр и апостоли реща: повиноватися подобает Богу паче, нежели человеком:

«Повиноватися подобает Богу паче, нежели человеком». Без жестокости отвечают апостолы как потому, что они были учителями, так и потому, что не гневались на иудеев, но сожалели об них и имели в виду то, как бы освободить их от обольщения и гордости.

Деян.5:30. Бог отец наших воздвиге Иисуса, егоже вы убисте, повесивше на древе:

Деян.5:31. Сего Бог начальника и Спаса возвыси десницею своею, дати покаяние Израилеви и оставление грехов:

Деян.5:32. И мы есмь того свидетели глагол сих, и Дух Святой, егоже даде Бог повинующимся ему.

«И мы есмь того свидетели глагол сих». Каких? Тех, которыми заповедал (Господь) отпущение (т. е. грехов) и покаяние. О воскресении более не было уже речи. А что дарует Он (Господь) отпущение, тому свидетели и мы и Дух Святой, который никак не сошел бы, если бы прежде не были отпущены грехи. И смотри, как к упоминанию о злодеянии апостолы присовокупляют слово об отпущении (грехов), показывая, что поступки их заслуживали смерти, а то, что они получили, получали как от благодетеля.

Что же касается выражения «сего Бог начальника и Спаса возвыси», так они

употребляли его, приписывая все Отцу, чтобы не подумали, что Сын чужд Отца. Но почему о том, что апостолы вышли из темницы, узнали (архиерей и прочие) не тотчас? Это для того, чтобы, оставаясь некоторое время в недоумении, они (легче) могли понять и уразуметь, что это было действием силы Божественной.

«И Дух Святой, егоже даде Бог повинующимся ему». Не сказали «Дух Святой, которого Бог дал нам», но «котораго Бог даде повинующимся», вместе и выказывая смирение, и открывая великие истины, а кроме того и объявляя, что и сами они (иудеи) могли получить (Духа); потому что для того именно и допускал Бог то, что апостолы были водимы в судилище, чтобы и иудеи поучались и сами апостолы приобретали более дерзновения, и все вообще получали назидание.

Деян.5:33. Они же слышавше распыхахуся и совещаща убити их.

Другие, слушая (апостолов), смущались, а они (архиерей и бывшие с ним) «распахуся и совещаща убити их».

Деян.5:34. Востав же некий на сонмищи фарисей, именем Гамалиил, законоучитель честен всем людем, повеле вне мало что апостолом уступити,

Что же касается Гамалиила, так это был ученик Павла; и достойно удивления, как он, будучи законоучителем и человеком по уму рассудительным, не уверовал еще до сих пор. Это потому, что и Павел еще не уверовал.

Деян.5:35. Рече же к ним: мужие Израилтяне, внимайте себе о человецех сих, что хощете сотворити:

«Внимайте себе о человецех сих, что хощете сотворити». Обращает внимание на мудрую приспособительность речи, - на то, как он (Гамалиил) тотчас поверг их в страх, и чтобы не подать подозрения, что он разделяет их (апостолов) мысли, беседует с ними (с иудеями) как с людьми одних убеждений, и не особенно резко выражается, а говорит следующими словами: «внимайте себе, что хощете сотворити».

Деян.5:36. Пред сими бо денми воста Февда, глаголя быти велика некоего себе, емуже прилепшася числом мужей яю четьреста: иже убиен бысть, и вси, елицы повиншася ему, разыдошася и быша ни во чтоже:

«Пред сими бо денми...» Приводит два примера, и упоминает не о древних, но о последних событиях, потому что эти последние сильнее в деле убеждения. Поэтому, указывая на них, и Гамалиил говорил: «пред сими денми». Зная и другие примеры, он удовольствовался этими двумя (т. е. примером Февды и Иуды галилеянина - Деян.5:37); потому что «при... двою свидетелех... станет всяк глагол» (Мф.18:16). Не сказал, кем были убиты; но говорит, что все разошлись. О Февде упоминает и Иосиф в девятнадцатой книге древностей, как говорит Евсевий в четвертой книге церковной истории; вот слова последнего: «во время наместничества в Иудее, Фада, один лжеучитель, по имени Февда, убеждал народ взять стяжания и следовать за

ним к реке Иордану; говорил, что он - пророк, и утверждал, что рассечет реку и сделает ее удобопроходимой, и многих обольстил. Впрочем Фад не допустил, чтобы они осуществили свою неразумную мысль, но послал отряд конницы, который многих из них избил и многих взял живыми; а самому Февде отрубают голову и приносят в Иерусалим».

Деян.5:37. По сем востá Иуда Галилеанин во дни написания и отвлечé люди довольны в след себе: и той погíбе, и вси, ели́цы послушаша его, разсы́пашася:

Во времена Пилата случилось, кажется, восстание галилеян, увлекшихся учением Иуды галилеянина. Учение же Иуды состояло в следующем: он говорил, что господином не следует называть никого, ни ради чести, ни за любомудрие, что не следует называть так даже царя. И многие из последователей его подверглись жестоким наказаниям за то, что не называли господином Кесаря, и за их учение, что не следует возносить Богу никаких других жертв, кроме установленных в законе Моисеевом. Следуя этому учению, они запрещали приносить жертвы о спасении царя и римского народа. Пилат, естественно, вознегодовал за это на галилеян и приказал, чтобы в то время, когда они будут приносить законные, по их мнению, жертвы, убивали и их самих, так что с приносимыми жертвами смешивалась кровь и приносящих, как это видно и из евангелия от Луки.

Деян.5:38. И ныне, глаголю вам, отступите от человек сих и оставите их: яко аще будет от человек совет сей или дело сие, разорится,

Деян.5:39. Аще ли же от Бога есть, не можете разорити то, да не ка́ю и богоборцы обря́щетеся.

«Отступите от человек сих». Указав на примеры погибших лжеучителей, Гамалиил советует им подумать и о себе, именно: опасайтесь, чтобы среди стараний погубить других самим не погибнуть; потому что тот, кто идет против того, что угодно Богу, тот губит не противника, а себя. Если «от человек... дело сие», то какая нужда в ваших домогательствах? А если оно от Бога, то и при всем старании вашем вы не можете разорить его. Не сказал прямо, что дело это от Бога, но не сказал и того, что оно - дело человеческое; потому что если бы сказал, что оно от Бога, то архиерей и иже с ним стали бы возражать; а если бы сказал, что оно - от человек, то предал бы апостолов в их руки. Таким мудрым построением речи Гамалиил принуждает их ждать ее конца. Но смотри: не сказал «если оно не разорится, то оно - от Бога», но (сказал) если оно - от Бога, то не разорится.

Деян.5:40. Послушаша же его и призвавше апостолы, бивше запрети́ша им не глаголати о имени Иисусове и отпустиша их.

«Послушаша же его». Послушали потому, что он говорил это не при апостолах. Как же они (иудеи) били апостолов, если послушали его? Послушали его в том отношении, что отказались от намерения убить их; потому что они хотели этого и потом покинули это свое желание; но били их, удовлетворяя своему гневу.

Наше богословское творчество. Император Юлиан Отступник.

Насильственная религиозная политика сыновей Константина доставила, христианству внешний успех, но раздражила язычников и вызвала на оппозицию все то, что оставалось еще живым в язычестве. На Западе язычество было связано с политическими традициями, а на Востоке – с философскими и литературными. Во имя защиты религии богов возможно было единение между всеми языческими элементами империи – между образованными и необразованными классами. И это единение произошло; но удивительное дело – оно повело лишь к упразднению самой позиции язычества. Пред реакцией, точнее реформацией, Юлиана, язычникам думалось, что имеют философию, разнообразные культы, римские, греческие, восточные. Когда же все это постарались привести в действие, то оказалось, что у них уже нет живой религии, и вообще нет ничего твердого и жизненного. Образованными была усвоена язычеству эстетико-поэтическая черта. А из господствовавшего тогда "неоплатонизма" – замечает историк Меллер – вырос языческий либерализм. Поэтому Юлиановская реформация оказалась лишь эпизодом, который в конце концов послужил к тому, чтобы доказать всему миру падение язычества.

Личная судьба Юлиана сложилась так, чтобы сделать его чуждым христианству и отдать в руки друзей язычества. Он был чистым греком, родился в Константинополе в 331 г. Отец его Юлий Констанций – сводный брат императора Константина Великого (а мать Василина) – был убит солдатами летом 337 г., если не по внушению, то, во всяком случае, на глазах Констанция, впрочем, бывшего тогда только 14 лет. Юлиан воспитывался вместе со своим сводным братом Галлом евнухами, между которыми первое место принадлежало Мардонию, горячему почитателю всего эллинского. Юлиан был крещен и христианское воспитание получил от Евсевия Никомидийского. В 345 г. подозрительный Констанций послал его вместе с Галлом в Каппадокийский замок Макеллу, где Юлиан принимал ревностное участие при богослужении, вероятно, в качестве анагоста (чтеца), изучал Библию и исполнял все христианские обряды. Когда 20-тилетним юношей, в 351 г. он должен был вернуться в Константинополь и Никомидию, Юлиан скоро забыл навязанное ему христианское учение под влиянием выдававшихся языческих учителей, как Ливаний, которого, впрочем, запрещено было слушать, но тем охотнее он читал его, и все более и более предавался неоплатонической философии и монотеизму, которые имели в Малой Азии своего выдававшегося представителя – Максима Ефесского. Последний сумел возбудить в Юлиане веру в свое Божественное посланничество, как спасителя эллинизма. В течение почти 10 лет Юлиан играл с искусством двойную роль: в кругу близких – язычник, а по внешности, для всех, – христианин. Его сводный брат Галл, человек мало способный, сделанный кесарем в 354 г., скоро погиб от руки того же Констанция, по подозрению в заговоре. Подвергся подозрению и Юлиан и был заключен под стражу в Италии. Однако царица Евсевия рассеяла против Юлиана подозрение и чрез 7 месяцев он был послан в Афины, классический город эллинизма. Здесь он встретился с Василием Кесарийским и Григорием Назианзянином, как ученик Фемистия и Гимерия, и был посвящен в элевзинские тайны. Бездетный Констанций призвал Юлиана в 355 г. ко двору, сделал его кесарем и отправил в Галлию в 357 г., вверив ему командование над войском. Он отвоевал (возвратил) часть Галлии, захваченную франками и алеманами. Чрез это он прославился как способный полководец, и сделался любимцем солдат. Констанций потребовал его войска к себе

на Восток. Они отказались и провозгласили своим Августом Юлиана. Он понял, что час его пробил, и осенью 361 г. форсированным маршем отправился в Паннонию с войсками, написал манифест афинянам, провозгласил себя язычником. Однако, судьба позаботилась предупредить готовившееся кровопролитие. В ноябре 361 г. в Киликии скоропостижно скончался Констанций. Юлиан поспешил в Константинополь, куда и прибыл 11 декабря 361 г. Тогда он сбросил маску христианина и предстал как чистый эллин-язычник. Христианству, с которым он был знаком лишь в арианской форме, он высказал полное презрение, применяя к нему слова Цезаря: *veni, vidi, vici*; наоборот, в отношении язычества он выразил глубокое сострадание по поводу понесенных гонений и свое всецелое почтение.

Одновременно с походом на персов новый император занялся реставрацией язычества, которая была вместе с тем и реформой его. Положительные меры к восстановлению язычества осуществлял сам Юлиан, подавая в своем лице пример для всех. Словом, пером и делом он хотел вернуть свои народы к вере в богов. Собственно цель Юлиана заключалась в том, чтобы обновить классические идеалы эллинизма. Что скрывалось в недрах школ и тайных кулуаров, как творчество сильных религиозных индивидуальностей, тому он хотел придать образ официальной религиозности и сделать основой государственной религии. И этому стремился придать устройство, дисциплину и многие нравственные понятия, заимствованные у "презренных галилеян". Он составил наставление для языческих жрецов, где говорит об их социальном положении, образовании и круге обязанностей; требует от них непорочного нравственного поведения, запрещает им посещение театров и ресторанов. Они должны были для всех без различия учреждать гостиницы и госпитали, разделять с бедными хлеб и вино, нищим подавать милостыню. В богослужении он ввел пение гимнов, хоры мальчиков, определил часы для молитвы, кафедру для проповедника и драгоценную одежду при священнодействиях. Словом, реставрируемое Юлианом язычество было копией христианства. Предпринимая ряд мер положительных к возвышению язычества, Юлиан, с другой стороны, стремился стеснить христианство. Собственно гонения на христиан он не предпринимал, да и не мог ввести его. Он даже позволил вернуться на свои кафедры епископам, изгнанным при Констанции. Но Церковь возвратилась теперь в то положение, какое ей некогда было даровано указом Галерия 311 г., т.е. она была только терпимою. Все, переданное христианам по указам Константина Великого, должно было снова возвратиться язычникам. Христиане были увольняемы со службы, лишены права на высшее языческое образование. Христианские эмблемы со щитов и монет были удалены.

Результаты от этих мер не соответствовали своей цели. Насильственные меры привели к оставлению христианства со стороны внешне принадлежавших ему, даже епископов и пресвитеров. Добыча — незначительная; такой результат вызвал разочарование и огорчение в императорском энтузиазме. Тем более и язычники не оценили его по достоинству. Грубый народ привык видеть в императоре блеск и пышность, в своей религии практический натурализм. Император в образе кинического философа и аскета был непонятен; философски истолкованный политеизм был непривлекателен.

Раздраженный неудачами император, летом 362 г. покинувший неприятный ему Константинополь и поселившийся в Антиохии, в виду готовившегося похода на персов, — повидимому, уже замышлял кровавые гонения на христиан. Но 26 июня 363 г. он был убит в войне с персами. Вероятно, поэтической рефлексии Ефрема Сирина мы обязаны тем метким выражением, какое характерно для настроения смертельно раненого императора: "Галилеянин, ты победил!". Феодорит сообщает о

нем, как слухе; но оно нашло себе признание во всех веках и среди всех народов. Погребен был Юлиан в Тарсе, где родился апостол языков.

Выполнила студентка богословских курсов имени ств. Димитрия Ростовского при храме Похвала Пресвятой Богородицы, Ксения Русяева.

Глубокая поэзия.

Отчеканены.

Все движенья строги, а очи каменны,
Ни один бес в ребро не вселится,
Грозowymi каплями отчеканены
Непомерной твердости лица,

Как под властью темного наваждения,
Не подумав, живут, не спросимши.
Я всю жизнь боюсь, будет снова день, и я
В зеркалах у них отражусь таким же.

Но средь тысяч жаждущих непорочного,
Не способных повысить голов допрыгнуть
Отыщу я тех, кто до неба прочного
Сможет мост невзначай воздвигнуть.

Павел Борознин.

Богословский словарь мирянина.

Триадология — Православное учение о Святой Троице. Особый вклад в развитии православной триадологии внесли «великие каппадокийцы»: свв. Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, 4 век. Они проговорили правоаправное учение о Боге на древнегреческом языке, официальном языке Византийской империи. Это был язык древнегреческих философов. Тем самым произошла интеллектуально-языковая преемственность, и греческий язык стал ещё и языком православного догматического богословия.

Изречение святого.

Праведный Алексей Мечев

"Ты всё думаешь: вот пришли скорби, вот несчастья, которых нет ни у кого, вот обстоятельства, из которых нет выхода, а это Бог с любовью посмотрел на тебя, это Бог приближается к тебе."

Духоносные размышления святых отцов.**Духом Святым всяка душа живится...**

Из бесед прп. Серафима Саровского с Мотовиловым о цели христианской жизни.

Многие толкуют, что, когда в Библии говорится: "вдунул Бог дыхание жизни в лице Адама первозданного и созданного Им от персти земной - что будто бы это значило, что в Адаме до того не было души и духа человеческого, а была будто бы лишь плоть одна, созданная из персти земной. Неверно это толкование, ибо Господь Бог создал Адама от персти земной в том составе, как батюшка св. апостол Павел утверждает: "да будет всесовершен ваш дух, душа и плоть в пришествие Господа нашего Иисуса Христа". И все три части нашего естества созданы были от персти земной, и Адам не мертвым был создан, но действующим животным существом, подобно другим живущим на земле одушевленным Божиим созданиям. Но вот в чем сила, что если бы Господь Бог не вдунул потом в лице его сего дыхания жизни, т. е. благодати Господа Бога Духа Святаго, возводящего его в богоподобное достоинство, то был бы он подобен всем прочим созданиям, хотя и имеющим плоть, и душу, и дух, принадлежащие по роду его, но Духа Святаго внутри себя неимущим. Когда же вдунул Господь Бог в лице Адамова дыхание жизни, тогда-то, по выражению Моисееву, и бысть Адам в душу живу, т. е. совершенно во всем Богу подобную и такую, как и Он, на веки веков безсмертную...

Когда же вкушением от древа познания добра и зла, преждевременно и противно заповеди Божией, узнали (Адам и Ева) различие между добром и злом и подверглись всем бедствиям, последовавшим за преступление заповеди Божией, то лишились этого безценного дара благодати Духа Божия...

Когда же Он, Господь наш Иисус Христос, изволил совершить все дело спасения, то по воскресении Своим дунул на апостолов, возобновив дыхание жизни, утраченное Адамом, и даровал им эту же самую адамовскую благодать Всесвятаго Духа Божия. Но мало того - Он обещал им благодать - возблагодать. И вот в день Пятидесятницы торжественно ниспослал Он им Духа Святаго в дыхании бурне, в виде огненных языков, на коемуждо из них седших и вошедших в них и наполнивших их силою огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостворно действующей в душах причащающихся ея силе и действиям. И вот эту-то самую огневдохновенную благодать Духа Святаго, когда подается она нам всем верным чадам Христовым в таинстве святаго крещения, священно запечатлевают миропомазанием в главнейших, указанных св. Церковью, местах нашей плоти, как вековечной хранительницы этой благодати. Говорится: "печать дара Духа Святаго..." Если бы мы не грешили никогда после крещения нашего, то во веки пребыли бы святыми непорочными и изъятими от всякия скверны плоти и духа, угодниками Божьими. Но вот в том-то и беда, что мы, преуспевая в возрасте, не преуспеваем в благодати и разуме Божиим, как преуспевал в том Господь наш Иисус Христос, а напротив того, развращаясь мало-помалу, лишаемся благодати Всесвятаго Духа Божия и делаемся во многоразличных мерах грешными и многогрешными людьми. Но покаянием (утреневанием к Богу, бдением, многими слезами, творением добрых дел Христа ради, противоположных содеянным грехам), яко вторым крещением омываемся от греховной скверны и опять являемся пред лице Божие паче снега убеленные Его благодатью...

Православное учение о молитве.

Продолжение доклада о молитве, ч.3. Окончание.

Исихазм (от греч — покой, мир) возникает в среде монашества как духовно-практическое делание.

В ее основе можно выделять шесть элементов:

- 1) очищение сердца как средоточия духовной жизни человека,
- 2) сочетание ума и сердца или "сведение" ума в сердце,
- 3) непрестанная молитва - вспомним слова ап. Павла Непрестанно молитесь,
- 4) безмолвие, трезвение и внимание,
- 5) призывание имени Божия как реальной преображающей силы,

Отношение к имени Божию как к реальной силе, как к энергии Божией уходит своими корнями в Священное Писание, к третьей заповеди:

"Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно" (Исх.20:7).

В сердце человека происходит "брань с сатаной" (о которой позже писал Достоевский), и в этой страшной борьбе с инфернальной силой человек был бы бессилён и незащищён в одиночестве. Другая — более мощная — сила, которая помогает ему одержать победу в этом борении, есть имя Божие.

Дополнение Имя Божие священо, оно дано в Откровении, оно достойно всяческого почитания. Соломон, обращаясь в молитве к Богу, говорит: храм "я построил имени Твоему" (3Цар.8:44), Священная сила, слава и энергия имени Бога Отца покоится и на имени Сына как единосущного Отцу.

Имя Сыну Божию дается не человеческим разумением, а открывается Господом через ангела и предсказывается через пророков. Поэтому от имени Сына Божия пророчествуют (Мф.7:22), Его именем творят чудеса (Мф.7:22), учеников ненавидят за имя Его (Мр.13:13; Лк.21:17), на имя Его будут уповать все народы (Мф.12:21), верующие собираются воя Его (Мф.18:20) ученики оставляют свои дома ради имени Его (Мф.19:29), люди веруют во имя Его (Ин.1:12;2:23), имя Христово выше всякого имени (Фил.2:9), именем Его изгоняются бесы им (Лк.10:17). Поэтому в центре умно-сердечной молитвы стоит имя Христово.

6) Обожение (теозис) которое связывается с явлением нетварного Фаворского света, знаменующего вступление подвижника в Богообщение и Боговедение.

Дополнение. "Я свет миру", — говорит о Себе Спаситель (Ин.8:12), в одном из посланий св. апостол Иоанн утверждает: "Бог есть свет" (1Ин.1:5). Здесь же следует процитировать и Откровение св. Иоанна Богослова: "Спасенные будут ходить во свете"; "И ночи не будет там (в Царстве Небесном), и не будут иметь нужду ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их". Преображение — это подтверждение и того, что Бог есть Свет, и того, что Свет этот, будучи трансцендентным по сущности, как энергия Божия способен сойти в имманентный мир, и того, что человек в определенном состоянии становится способен созерцать этот нетварный свет и принимать его в себя.

Молитва очищает ум, делает его "световидным", и подвижник восходит на такую ступень богопознания, когда может "узреть" Христа: вспомним - «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят».

Постепенно такая практика приводит к тому, что душа молящегося все более проникается благодатными божественными энергиями и происходит внутреннее преображение духовного мира человека.

Кроме того, на определенном этапе молитва она становится самодвижной, т.е. совершается в сердце как бы сама, помогая подвижнику в духовной брани, в борьбе со страстями и помыслами.

О том, что происходит с исихастом в художественной форме изображается в известнейшей книге безымянного автора 19 века «Откровенные рассказы странника духовному отцу своему»

Традиция исихазма, столетиями практиковавшаяся в православном монашестве, разработала ряд и чисто психофизических приемов, облегчавших совершение этого непростого молитвенного подвига. В ряде работ отцов, приведенных в сборнике, известном под названием Добротолюбие, есть советы как исихаст должен дышать, как и где концентрировать свое внимание, какие телесные подвиги помогают молитве и т.п.

Необходимо особо отметить, что практика исихазма требует очень внимательного к себе отношения и очень не рекомендуется серьезно заниматься этой молитвой с применением упомянутых психофизических приемов без руководства опытным наставником. Но по мере сил как можно чаще прибегать к Иисусовой молитве - или любой другой молитве - может и должен каждый христианин.

Этапы молитвенного подвига.

Молитва бывает разной - просительной, покаянной, благодарственной, хвалебной. Можно и нужно молиться не только за себя, но и за других.

Но все эти виды молитв объединяет одно - в них присутствует некий повод для обращения человека к Богу.

Более высокая степень молитвы - т. н. чистая молитва, в которой ум молящегося всецело отрешается от всяких земных помыслов и наполняется созерцанием Бога, сердце объято любовью к Нему, воля всей своей силой влечется к Создателю.

Такие молитвенные состояния не позволяют подвергнуть их какому-то анализу, так как они неизмеримо выше рационального способа мышления, поскольку в такой молитве по словам ап. Павла

«Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными». Рим. 8:26.

Но и такая степень молитвы по опыту подвижников Православия не является концом духовного пути.

По опыту подвижников Православия духовный путь христианина простирается и дальше, вводя молящегося в состояние, часто именуемое в аскетической литературе экстазом.

Говорить об этом состоянии еще сложнее. По словам испытавших его, у достигшего этого состояния человека ум становится неподвижным, нечувствительным к внешним и внутренним впечатлениям. Как бы замирает при этом не только психическая жизнь человека, но и телесная.

Действием благодати Св. Духа дух молящегося восходит к состоянию всецелого растворения в Боге. Такое состояние называют по-разному созерцанием, духовным или умным видением, изумлением.

Дополнительно. С формально-психологической точки зрения в этом состоянии можно попытаться выделить чувства безмерного удивления и радости, блаженства от созерцания того, что превышает человеческую природу и ощущение безмерной любви к Богу.

В Священном Писании подобное состояние мы встречаем в эпизодах с видением ап. Петра, молившегося на кровле (Деян. 10:9-10), ап. Павла в Иерусалимском храме (Деян. 22:17-21), и в известном случае когда Павел был «восхищен до третьего неба» (2 Кор 12:1-4).

Эти примеры свидетельствуют, что в состоянии экстаза человек способен воспринимать определенные истины или образы, которые правда потом непросто перевести в слова, он способен даже, проявляя свою волю, противоречить Богу - как ап. Петр. Все это говорит о том, что в состоянии экстаза естественные человеческие душевные силы не подавляются, а преобразуются, возвышаются.

Впрочем, можно предположить, что подобные состояния могут иметь массу разных оттенков и уровней, неведомых нам. Поэтому невозможно сколько-нибудь полно составить учение об этом образе богообщения.

Молитвы о усопших

Многих смущает мысль о молитве за умерших. Может ли участь умерших измениться от того, что за них молятся, может ли молитва убедить Бога быть несправедливым и даровать им то, чего они не заслужили?

Если мы верим, что молитвы за живых помогают им, почему мы не считаем возможным молиться и за умерших?

Жизнь едина, ибо, как говорит евангелист Лука, Бог не есть Бог мертвых, но живых (20: 38). Смерть - это не конец, но определенная стадия в человеческой судьбе, и судьба эта не застывает, как камень, в момент смерти. Любовь, которую выражают наши молитвы, не может быть напрасной; если любовь имеет власть на земле, но не имеет власти после смерти, это трагически противоречит слову Писания о том, что крепка, как смерть, любовь, и опыту Церкви, который свидетельствует, что любовь сильнее смерти, ибо Христос победил смерть в Своей любви к человеческому роду. Господь воздает не по молитвам за умерших, а по делам их: "соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое" (2 Кор 5:10)

В течение свой жизни человек сеет семена. Семена эти прорастают в душах других людей, влияют на их судьбу, и плод, родившийся из этих семян, принадлежит не только тем, кто принес его, но и тем, кто сеял.

Влияние жизни каждого человека продолжается до Страшного суда, и вечная, окончательная участь человека определяется не только тем кратким временем, которое он прожил на земле, но также и результатами его жизни, ее добрыми или плохими последствиями.

Поэтому просим мы у Бога не просто простить человека, несмотря на все, что он сделал дурного, но благословить его за то добро, которое он сделал, и которое проявилось и дало плод в жизни других людей

И это важно понять: цель такой молитвы - не убедить Бога в чем-то, а принести свидетельство, что человек этот жил не бесплодно.

Молитвы святым

Как сказал некто «надо чаще сверять часы и слова». Потому давайте разберемся с терминами.

Церковь различает два вида религиозного почитания:

Почитание как всецелое служение, поклонение - по-гречески лайтрейя - оно относится только к одному Богу

И почитание как уважение, которого достойно все, что имеет к Богу отношение - Священное Писание, храм, иконы, и конечно же те святые - люди, которые взяв по словам Спасителя свой крест, пошли за Ним и исполнили в своей жизни во всей полноте евангельские идеалы.

Вот определение 7 Вселенского собора по поводу иконопочитания:

иконы надо чествовать их лобызанием и почитательным поклонением, но не тем истинным по нашей вере служением (λατρεία), которое приличествует одному только Богу, но почитанием по тому же образцу, как оно воздается изображению

Креста и святому евангелию, и прочим святыням.

Ибо честь, воздаваемая образу, восходит к первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется личности изображенного на ней.

Можно привести ссылки на Св.Писание, обосновывающих церковную практику почитания святых и Богородицы, но думаю самое важное основание такого почитания - в самой природе Церкви, как ее понимают православные. Церковь для нас - одна большая семья, связывающая узами любви и Божией благодати друг с другом и с Богом всех христиан - и живых, и ушедших.

Поэтому наше почитание, наша молитва к святым - это не следование какой-то традиции, и уж тем более не дань язычеству. Это - естественное движение любви.

И не менее естественная просьба о помощи старших братьев и сестер во Христе - у Бога ведь все живы. Ведь никого, в том числе и протестантов, не удивит просьба их единоверцев о молитвенной помощи.

В конечном счете, наше почитание святых - это почитание Бога, сделавшего их святыми.

Молитва к святым - выражение смирения, осознания своей недостаточности, духовной незрелости

«Предпосылая своей молитве сии ходатайства, ты смирение свое предпошлешь, которого ничего нет благоприятнее Богу, ни на кого так милостиво не взирающему, как на кроткого и смиренного. Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит».

Современное православное богословие.

«Мистика ума» и «мистика сердца» в свете святоотеческой антропологии.

Виноградов Георгий, послушник

В старых патрологических исследованиях довольно распространено мнение, согласно которому святоотеческая письменность делится на два больших направления: реалистическое и идеалистическое, или интеллектуальное. В данном очерке автором делается попытка выявления причин возникновения и распространения такого подхода, а также делаются некоторые богословские замечания по теме.

В старых патрологических исследованиях является довольно распространенным учение, разделяющее святоотеческую письменность на два больших направления, на две «мистики», имеющие различные акценты в плане духовного делания — направление реалистическое и идеалистическое, или интеллектуальное. Эта схема была довольно популярна в дореволюционных работах по патрологии и в трудах парижской школы. В настоящее время осознается некоторая присутствующая подобным построениям искусственность, однако, не было предпринято глубокого и полноценного анализа этого учения. Возможно, подобный анализ не будет достаточно востребован, - востребованными окажутся лишь антропологические построения. Но, может быть, анализируя данное учение, важно осознать совсем другой момент - осознать то, с чем бывают связаны подобные искажения. В нашем небольшом очерке, мы не ставим своей целью дать фундаментальное исследование, а сделаем лишь некоторые богословские замечания.

В журнале «Учебно-богословские и церковно-проповеднические опыты студентов императорской киевской Духовной Академии» за 1914 год помещена пространная статья иеродиакона Онуфрия (Шушани) «Мистика преп. Макария Египетского». В

этой статье богословие «двух мистик» выглядит наиболее выпукло. Приведем некоторые вырезки из данной работы.

«Начальный период истории христианства, - пишет иерод. Онуфрий, - характеризуется чрезвычайным обилием харизматических явлений. Это было время, когда каждый верующий мог видеть и осязать дары христианства и чувствовать в самых реальных формах земной жизни движение Божественного Духа. Этим объясняется то характерное явление, что для первых христиан евангельское спасение было не столько делом ума, сколько фактом реальной жизни».

Иерод. Онуфрий, продолжая далее, говорит об упадке, охлаждении религиозной жизни. Особенной потерей чувства религиозной жизни отличилась александрийская богословская школа, богословы которой, увлеченные греческой философией, создали новое мистическое направление. «Желая раскрыть на основании разума содержание христианской веры, александрийские богословы, естественно, подпали влиянию греческой философии. На этой почве и при названных условиях родилось богословское направление, которое ставило себе главной целью разумное усвоение христианских истин. Все это отразилось и на сфере мистики. Сердце уступило главенство уму. Центр религиозной жизни из области чувства был пересажен в область рассудка, и этим положено было начало созерцательно-спекулятивной мистике». Отцом данного направления назван Климент Александрийский.

«В противоположность спекулятивной мистике, в недрах христианской Церкви возникает другое, не менее сильное направление мистического характера. Оно нашло своих выразителей в среде христианского монашества и проникнуто ярким реалистическим духом понятия христианского идеала. Нужно слиться с Богом не только в умственно-созерцательной, но и физической осязательной форме, - вот основное положение мистиков-реалистов. Отцами, провозвестившими эти идеи, являются св. Ириней Лионский, св. Афанасий Александрийский, св. Кирилл Александрийский». Но ни у кого, по словам автора, этот идеал не проявился так ярко, как у преп. Макария Египетского.

Так возникают два мистических направления, из которых интеллектуалистическая мистика, по мысли В. Лосского, является явлением нецерковным. «Но как бы то ни было, - пишет В. Лосский, - надо нам согласиться с о. Фестюжьером, что вместе с Климентом и Оригеном в Церковь проникает мир эллинский, внося в нее тем самым элементы религиозного умозрения и интеллектуальной духовности, свойственные миру совершенно иному, миру не евангельскому». «Вместо того, чтобы христианизировать духовный опыт эллинов, Климент и Ориген чуть ли не «оспиритуализировали» христианское учение. Но благодаря им эта эллинистическая «духовность», эта интеллектуалистическая или сверхинтеллектуалистическая мистика, раз уже введенная в круг Церкви, будет ею поглощена, полностью преобразована и превзойдена. Понадобятся целые века борьбы, сверхчеловеческих усилий, чтобы освободя его от природных пут, от этнических и культурных ограничений, эллинизм этот превзойти, дабы стал он в конце концов вселенской формой христианской Истины, самим языком Церкви».

Подобный взгляд разрывает два важных аскетических понятия, которые в святоотеческой аскетике никогда не воспринимались в разрыве друг от друга, — ум и сердце.

«Ум созерцает Бога, - пишет иерод. Онуфрий, а сердце чувствует, ощущает Его в себе. В чем выражается это ощущение и созерцание? Согласно двусторонней природе человека вкушение Божественной жизни проявляется в двух формах. С одной стороны в чистоте и творческой мощи ума человека, а с другой - в ощущении жизненной силы и энергии в самом телесном организме. Эта жизненная сила представляет из себя материальную стихию, в которую облекается природа Бога для

того, чтобы войти в человеческий организм и неразрывно срастворившись с ним, сообщить ему легкость, бодрость и нетление». «Насколько человек ощущает в себе эту божественную природу, настолько он живет в Боге, в мистическом единстве с Ним».

Читая подобные строки, хочется сразу добавить: ощущают, наверное, только какие-нибудь сектанты-трясуны. Из этих отрывков можно сделать один важный вывод: автор не только разрывает понятия ум и сердце, но и воспринимает божественную благодать как нечто внешнее и осязаемое, то, что приходит извне и как бы «наполняет» человека.

Для того чтобы оценить богословие «двух мистик», необходимо, с одной стороны, рассмотреть взаимоотношения понятий ума и сердца, с другой - поставить вопрос о природе божественной благодати, о взаимоотношении ее с умом человека. Действительно ли божественная благодать есть для человека нечто внешнее? Как понимали обожение святые отцы?

«Когда единичный ум бывает тройственным, пребывая единичным, - пишет святитель Григорий Палама, - тогда он соединяется с Богоначальной Тройческой единицей (Ὅταν τό ἐνιαῖον τοῦ νοῦ γένηται τρισσόν, μένον ἐνιαῖον, τότε συνάπτεται τῇ θεαρχικῇ τριαδικτῇ μονάδι) < ... >. Бывает же единичный ум тройственным, пребывая единым в возвращении к себе самому и в восхождении чрез себя к Богу» (Γίνεται δέ τό ἐνιαῖον τοῦ νοῦ τρισσόν μένον ἐνιαῖον ἐν τῇ πρός ἑαυτόν στροφῇ, καί τῇ δι' ἑαυτοῦ πρός θεόν ἀνοδῶ). В слове о человеке святитель Игнатий (Брянчанинов) так описывает обожение человека: «Полнота сходства необходима была для того, чтоб человек удовлетворял своему назначению быть храмом всеовершенного Бога. Ум человека долженствовал быть Умом Божиим (1 Кор. 2. 16), слово его долженствовало быть Словом Божиим (1 Кор. 7. 12; 2 Кор. 13. 3), дух его должен быть соединен с Духом Божиим (1 Кор. 6.17), его качества должны быть Богоподобными (Мф. 5. 48). Вселение Бога в человека есть вместе и теснейшее соединение Бога с человеком; человек-тварь соделывается причастником Божественного естества! (2 Пет. 1.4) Человек, достигший такого состояния, называется богом по благодати!» Здесь святитель Игнатий, продолжая мысль святителя Григория Паламы, говорит об обожении триединого ума человека.

Безусловно, обоживается прежде всего ум человека. Хотя благодать Святого Духа достигает и тела, но главное изменение происходит в уме. Ведь человек – это не тело, это прежде всего ум. «Не по органическому устройению тела человек есть образ Божий, - говорит преп. Никита Стифат, - но по мысленному естеству ума (τῆς νοεῖσς φύσεως τοῦ νοῦ), не описуемого телом, долу тяготеющим». Изменяется ум – изменяется весь человек. Это хорошо подтверждает сама наша жизнь. Бывает, что мы встречаем знакомого нам человека в состоянии крайней подавленности или, наоборот, сильного воодушевления и не сразу узнаем его - он весь меняется. Подобное происходит и тогда, когда человек неожиданно меняет свое мировоззрение. И если это мировоззрение оказывает сильное действие на человека, то в его жизни может измениться буквально все: одежда, жестикуляция, внешний быт, даже лицо человека приобретает новые черты. Человек может быть старым, но имея младенческий ум, становится похожим на ребенка. И, наоборот, когда человек в силу определенных обстоятельств, например, попав в условия военных действий, рано взрослеет в понятиях о жизни, тогда он может выглядеть намного старше своих лет.

После всеобщего воскресения, когда тела воскресших людей будут более тонкими, духовными, тогда эта связь между состоянием ума и внешностью человека станет еще более очевидной. Но и сейчас, при нашей грубой телесности, эта связь достаточно очевидна. Человек – это ум. Ум определяет всего человека. Человек

«растет» из ума. Обоживается ум человека - и весь человек обоживается, весь человек меняется. Поэтому так важно становится поставить вопрос, а как понимали ум святые отцы? Что такое ум человека?

«Так как в человеке, - пишет преп. Григорий Синаит, - есть ум, слово и дух (νοῦς, καί λόγος, καί πνεῦμα), существующие друг в друге и сами по себе, причем ум не разобщен со словом и слово - с духом так, что ум говорит словесно и слово выражается с помощью души (διὰ τοῦ πνεύματος), то в силу этого признака человек носит неясный образ невыразимой, первообразной Троицы, коротко обнаруживая этим свое [творение] по образу Божию».

Что значат эти уже привычные для нас термины: ум, слово и дух? Ум – это нечто невидимое и непознаваемое. Видимым наш ум становится только тогда, когда он начинает мыслить. Мысль мы постигаем, постигаем преимущественно в ее звучании – в слове. Но это не значит, что мысль есть нечто отличное от ума – мысль и есть этот самый ум. Ум и мысль – это одно и то же.

Ум может не только мыслить, он еще может и ощущать. В человеке есть способность к ощущениям не только телесным, материальным - осязание, обоняние, зрение, вкус и прочее, но и к ощущениям и переживаниям духовным, нематериальным. Наш ум мыслит и ощущает одновременно. Читая книгу, мы чувствуем ее дух, чувствует этот дух наш ум. Встречаясь с человеком, мы также способны ощутить его дух. Мы часто ощущаем дух времени, дух прошлого, дух начавшихся перемен. Умное или духовное ощущение нашего ума для нас становится понятным особенно тогда, когда мы соприкасаемся с поэзией, с живописью, вообще с любым творчеством. Ощущаем мы мир природы, когда, выходя отдохнуть от городского шума, созерцаем ее красоту. У святителя Игнатия (Брянчанинова) мы находим понятие духовного ощущения, которое он и называет духом.

«Мужи разумные поняли, - пишет святитель, - что человек отличается от животных внутренним свойством, особенною способностью души человеческой. Эту способность они назвали силою словесности, собственно духом. Сюда отнесены не только способность мыслить, но и способность к ощущениям духовным, каковы ощущение высокого, ощущение изящного, ощущение добродетели». «Это ощущение, - пишет он в другом месте, - самая способность этого ощущения называется духом человека»-

Мы видим, что святитель здесь объединяет человеческую способность мыслить и способность ощущать, силу словесности он объединяет с духом в единое понятие. И это не случайно, ведь он говорит об уме человека, который не состоит из частей – ум един. Ум есть мысль и дух в одно и то же время. Мысль всегда несет с собой дух человека, и в этом смысле мысль есть дух. Мы можем воспринять дух какого-либо явления, и в этом секундном ощущении будет сокрыта огромная информативность, огромная мера смысла, которой может хватить на то, чтобы написать целое исследование. И если мы говорим о том, что наш ум как бы «дышит», то есть дает другим себя, что называется, «почувствовать», имеет свой дух, то мы говорим, что ум и есть этот самый дух. Ум и дух – это одно и то же.

Становится очевидным, что дух человека, его способность к духовному ощущению, духовному чувству как-то связаны с тем, что мы именуем сердцем. И, действительно, дух человека не просто связан, а вполне может быть с сердцем отождествлен. Святитель Игнатий (Брянчанинов) так и пишет: «Дух обыкновенно называется сердцем, как и вместо слова ум употребляется слово голова». Головой мы называем рассудочную способность ума человека, а сердцем – способность ума ощущать, «ощупывать» те явления, с которыми человек соприкасается. Ум духовен, он способен чувствовать, ощущать.

Для более полной картины антропологии сделаем одну небольшую оговорку. В

нашем обыденном языке мы привыкли говорить об уме и сердце. И под умом в данном случае мы понимаем, конечно, не то, что в аскетической литературе обозначено как $\nu \text{ οὐς}$. Под словом «ум» мы разумеем рассудок, разум - λογική, этимологически связанный с λόγος - словом, мыслью. Рассудок есть способность мыслить, рассуждать, расчленять, поэтому его можно назвать мыслью или словом, как это делает преп. Григорий Синаит. Ум рождает мысль, то есть ум мыслит, рассуждает.

Говоря об уме (рассудке) и сердце (духе) как о разных понятиях, разделять их мы все же не можем. Ум (рассудок) и сердце (дух) – это, по сути, одно и то же, это единый ум, умеющий рассуждать и ощущать одновременно. Важно понять, что тройственный ум при всех своих проявлениях ведет себя как нечто единое. Митрополит Иерофей (Влахос) в «Православной психотерапии» делает интересное замечание: «Всякий человек, - пишет он, - с увлечением изучающий творения святых отцов и Новый Завет, прежде всего, сталкивается с проблемой смешения этих понятий <т.е. понятий «душа» (ψυχή), «ум» ($\nu \text{ οὐς}$), «сердце» (καρδία), «мысль, мышление» (δίανοια) - Ю.В.>. Термины эти взаимозаменяемы». Действительно, например у свт. Григория Паламы мы можем найти такое изречение: «Умом ($\nu \text{ οὐς}$) называется и деятельность ума (ἡ τοῦ νοῦ ἐνέργεια), состоящая в мыслях и разумениях; ум есть и производящая сие сила (δύναμις), называемая в Писании еще и сердцем (καρδία). По сей силе ума, главнейшей между нашими силами, сущая в нас душа есть мысляща (λογική ἐστὶν ἡ ἐν ἡμῖν, ψυχή)». И может возникнуть вопрос: как же тогда понимать уже довольно устойчивое выражение «сойти умом в сердце»? Рассудок человека связан с его мозгом – тем органом, который видит, слышит, обоняет и т.д. Ведь именно здесь уму, который «растворяясь» в этих телесных чувствах и соприкасаясь с чем-то новым, непознанным, предстоит «включить» свою способность мыслить, познавать, рассуждать, расчленять, считать. Рассудок человека есть ум, который на «периферии», в месте связи его с внешним миром, «становится» рассудком, «становится» «свойством», которое умеет различать внешний мир, отличать одно от другого, считать, «раскладывать» по понятиям. Ум по необходимости становится здесь рассудком, иначе он просто был бы лишен контакта с внешним миром. Рассудок не есть нечто отдельное от ума, это и есть сам ум, который познает внешний мир.

Какую же роль при этом выполняет сердце, дух человека? Дух есть не что иное, как глубина ума, его проникновенность, его способность ощущать красоту, ибо красота всегда глубинна по своей природе. Дух человека, соприкасающийся с внешним миром, всегда ощущает тайну, сокрытую в предметах бытия, он зрит в этой тайне глубину, которая его увлекает. Это одна из важнейших функций того, что мы обыкновенно называем сердцем, того, без чего мир для человеческого восприятия превратился бы в набор сухих и логически оправданных истин, «сумму знаний», «сумму богословия», «сумму доказательств». Хорошо об этом писал проф. П.Д. Юркевич в своей работе, посвященной сердцу. Сердце придает мысли глубину и поэтичность. Сама речь, а если это письмо, то сам слог при этом меняются, делаясь более протяжными и задумчивыми, менее скованными внешней информативностью, велеречивыми указаниями и ссылками на источники.

Мы знаем, как легко бывает человеку, что называется, «скатиться» из области живой веры в область сухих, отвлеченных рассуждений о вере – из области сердца в область рассудка. Когда происходит нечто подобное, то это свидетельствует о потери умом духовного переживания. Это значит, что человек перестал, разучился переживать. Однако очень важно в данном случае не спутать духовное переживание как умное чувство с переживанием телесным, с «разгорячением крови». Именно подобная подмена произошла в разбираемом нами учении.

Духовное переживание нашего ума совсем не заметно, оно действует в таком же спокойном ритме, как и мысль, вернее сказать, что ум – дух и мысль ведут здесь себя как одно целое. Думает ум – значит, он увлекся глубиной каких-либо явлений, он ощущает глубину, которая его влечет, и он при этом мыслит. Он ощущает и мыслит одновременно. Конечно, когда ум человека воспламеняется сильным духовным переживанием, то человек начинает весь, что называется, «гореть», «светиться». Это явление несколько бурное, но не страстное, не разгоряченное. Человек, горя духом, может этого даже не замечать. Для него это вполне естественный процесс. Чем сильнее становится это горение духа, тем сильнее и глубже начинает работать мысль.

Духовный человек – это тот, кто смог подчинить плотское «разгорячение» спокойному ритму духовного ума. Духовное чувство ума, духовное переживание становится первичным в любой сфере деятельности человека. Все выдающиеся мыслители – это те, кого коснулось переживание, те, кого «задел» за сердце тот или иной вопрос. Даже если это математика, человек не может сделать открытие, если не полюбит ее, не полюбит искательство с помощью сухих и безжизненных формул. Все равно: любовь, переживание, чувство открытия – все это, как «дело сердца», является в науке первичным.

Когда ослабевает духовное переживание, тогда теряется глубина мышления, тогда логика занимает место живого сознания. Тогда мы говорим о схоластике, тогда мы свидетельствуем о факте «разделения» сферы ума и сферы сердца. Однако полностью «пропасть» духовное чувство, духовное переживание в человеке не может, ибо тогда «пропадет» и мысль, «пропадет» и ум как таковой. Ибо если слабеет одно, то слабеет и другое, ведь ум един. При совершенном «исчезновении» духовного чувства ума мы констатируем «метафизическую смерть» человека как личности – нирвану, идеал буддистов. В идеале, человек без переживания быть просто не может – переживание присутствует всегда, пусть и в самой малой мере, даже если это переживание есть переживание скучных операций с сухими и мертвыми понятиями. Именно поэтому довольно странным является учение, разделяющее святых на дихотомистов и трихотомистов. Дихотомистом является, по сути, тот, кто учит, что в человеке отсутствует ум (ν οὐς), а есть только душа и тело – то есть совсем как у животных.

Таким образом, когда мы говорим о том, что ум (рассудок) разделен с сердцем, то мы говорим, что человек разучился переживать, его сердце оказалось в состоянии «окаменелого нечувствия». Уменьшается духовное переживание – уменьшается и сила мысли. Когда человек сильно о чем-то переживает, тогда он об этом постоянно и глубоко размышляет. Чем сильнее переживание, тем сильнее мысль. Слабеет переживание – слабеет и мысль, «слабеет» ум как таковой. В «слабом» уме всегда господствует логика, точность, информативность. Ум, разделенный с сердцем, есть просто «бедный» ум, в каком бы смысле мы не понимали это слово.

Конечно, говоря о разделении ума (рассудка) и сердца, мы должны понимать, что этот процесс в какой-то мере есть процесс действительный, несмотря на то, что ум и сердце являются неделимым понятием. Ведь хотя мы и говорим об едином уме, однако, этот единый ум действует в разных сферах. Рассудок действует в области внешнего мира, сердце – в области мира внутреннего. Разделяются эти сферы в восприятии человека, и сам ум, будучи триединым, разделяется на две сферы восприятия. Внешнее и внутреннее начинает противопоставляться. Важно соединить эти две области – чтобы рассудок все воспринимал из своей внутренней сосредоточенности, приобретая при этом цельность мышления.

Соединение ума (рассудка) и сердца начинается тогда, когда усиливается духовное переживание. Когда сердце слабо переживает, тогда человек находится весь, что

называется, «в голове» — в месте его связи с внешним миром, в месте, где присутствует логика, где господствует детерминизм мышления. Фарисейство есть плод рассудочного подхода к религиозной сфере. Фарисейство в сфере науки есть рационализм. Здесь бытуют точность понятий, логичность мышления и излишняя информативность речи и слога.

Конечно, точность понятий часто становится неизбежной необходимостью, поэтому мы не станем выносить этому принципу строгий приговор. Эта тема — тема закона и благодати в самом широком их понимании. В нашем несовершенном мире не может быть совершенной свободы, а значит мы находимся в значительной степени под законом, под законом, в рамках которого должна быть создана четкая регламентация. Однако важно понимать и то, что общество, живущее по закону, в котором «прописаны все пункты», этим самым свидетельствует о своей низкой социальной культуре. Подлинное общество всегда основано на доверии и понимании, а не на законе. Цель любого общества — это взаимодоверие. Доверие и есть «дело сердца». Иногда, читая то или иное исследование, хочется верить автору и верится при этом, ибо он искренен, глубок, правдив. Он увлекает в глубину и этой глубиной открывает в читающем что-то новое, достойное, подлинное. Он опытом открывает опыт. Опыту не нужны доказательства, ибо он сам по себе подлинен, и любая душа эту подлинность ощущает и с доверием вверяет себя ей.

Четкая регламентация есть не норма, а необходимость, которая в перспективе может преодолеваться. Преодолеть «научное фарисейство» можно лишь таким способом мысли, в котором точность понятий преодолевается глубиной мышления. Чем глубже мыслит ум, тем более разнородные предметы он способен объединить, показать эти предметы и их свойства из превосходящего эти предметы единства. Тогда разделяющая понятия точность преодолевается внутренним единством, которое в силу своей органической целостности делает исследуемое гораздо более взаимосвязанным и определенным. Частности в этом единстве себя сами определяют.

В такой текучести мысли всегда заметно ядро авторского рассуждения, из которого, как из некоего целого, строится все письмо, вся речь, становясь, в силу своего единства, легко усваиваемыми, простыми и доступными. Такая текучесть мысли всегда целеустремленна и актуальна. Она не пугает читающего информативностью. Она проста и глубока, а порой даже певуча. Чем глубже мысль, тем она протяжнее — она становится выражением того состояния нашего духа, которое на монашеском языке мы называем исихией. Подлинная наука есть подлинная исихия ума. Эта исихия есть глубокая и трезвенная поэзия. Именно поэтому мы не будем далеки от истины, если определим науку как поэзию в самом здоровом и трезвом ее понимании, поэзию, как родительницу смысла, глубины и равнодушия. Это не «плаксивость чувств», не «воздушная стихотворность» — это трезвенное и вдумчивое осмысление, часто переходящее в глубокую задумчивость. Такая наука восходит к смыслу, к сущности происходящего. Такая наука есть действенность ума, соединенного с сердцем, ума, который мыслит трезво, глубоко, поэтично и увлекательно. Эта наука не анализирует, собирая во едино осколки своего точного анализа, — она созерцает цельное, и в этом цельном частное показывает себя само, минуя законническую строгость определений.

Однако, как мы уже заметили, в нашем несовершенном веке нет совершенной свободы, а значит подлинная поэтическая наука возможна не всегда. В некоторых случаях наука по необходимости становится неким законом. Достаточно вспомнить догматические определения эпохи Вселенских Соборов, где строгая регламентация поставлена во главу угла. Любой итоговый документ есть четко прописанное предписание. Но главное ведь даже не это, главное — сохранить устремленность к

очерченному идеалу, и сама эта устремленность становится охраной от душевного фарисейства. Поэзия должна присутствовать в науке, наука, несмотря на вынужденное «законничество», должна в этой поэзии рождаться, должна тяготеть к ней, чтобы сохранить свою подлинность. Находясь под законом, мы можем и должны учиться жить сердцем, учиться просто жить, стремиться к тому, чтобы наше богомыслие было подлинным внутренним опытом, опытом глубоким, напряженным, актуальным. Это состояние вдохновленной поэзии есть состояние внутреннего сосредоточия, действенного духовного переживания, рождающего подлинный смысл.

Научное «фарисейство» толстой нитью связано с фарисейством «ненаучным». И эту связь можно легко обнаружить. Часто тот, кто «погряз» в знаниях, точностях и определениях, становится просто недостижимым, хотя его нрав может быть вполне простым и доступным. Подлинная внутренняя мудрость не стыдится подчинить себя всем. Она обнаруживает себя в простоте нрава и глубокой внутренней открытости, открытости до самопосмеяния. Это самопосмеяние есть стремление не «зациклиться» на себе самом, а всмотреться в мудрость, находящуюся во вне, находящуюся там, где ее никогда не ожидаешь увидеть. Эта глубокая внутренняя мудрость всех превосходит, но в образе своих мыслей она всем подчинена, она у всех учится. Научиться правильно думать означает научиться правильно и вдумчиво жить. И дело не в «стойке» ученого, — можно юродствовать, а думать правильно. Таковы законы духовного ума.

Исцеление человека, исцеление его ума начинается с внутреннего сосредоточения, с отстранения от всего суетного и развлекающего. «Сердце (καρδία), — пишет свт. Григорий Палама, — сокровищница разумной способности души и главное телесное орудие рассуждения. Стараясь в строгом трезвении соблюдать и направлять эту свою способность, что же мы должны делать как не то, чтобы, собрав рассеянный по внешним ощущениям ум (νοῦς), приводить его к внутреннему средоточию (συναγαγόντες πρὸς τὰ ἐντὸς ἐπαναγάγομεν), к сердцу, хранилищу помыслов?» «Сойти умом в сердце», таким образом, означает собрать внимание, которое рассеяно, разбросано на разных предметах.

Но мало простого внутреннего уединения, мало своих собственных усилий. Каждому верующему известно, как трудно бывает сосредоточиться, особенно на молитве. Только Бог может освободить человека от рассеяния и соединить ум и сердце. Внимательное совершение молитвенного правила постепенно согревает сердце человека. Месяцы, а может и годы внимательного занятия молитвой приводят к тому, что сердце начинает ощущать теплоту, сердце «отверзается». Это может произойти неожиданно — «отверзает» сердце Сам Господь. С этого времени человек чувствует, что от всякого помышления о Боге становится «на сердце тепло».

И если до сих пор при всяком духовном делании необходимо было усилие, то теперь это делание становится любимым занятием. Сердце начинает «гореть» и душа с нетерпением устремляется ко всякому божественному занятию. Ум становится внимательным к словам молитвы. И чем более упражняется человек в этом, тем более «разгорается» у него сердце. «И это есть сердечная молитва, — пишет Каллист Таликуд. — Ее сопровождает теплота некая, которая зачинается с самого начала углубления ума в сердце для сей молитвы и содействует ему в отревании сторонних мыслей и чувств, и сама вместе с сим очищением ума от всего сторонняго возрастает, усиливается и устанавливается. Когда сердце исполнится сею духовною теплотою, которая отлична от всех других теплот, тогда ум сидит неисходно в сердце и непрестанно к Господу взывает с теплотою, чисто и безпримесно».

При постоянном молитвенном делании, развивается сердечное переживание, и, как

результат, начинает углубляться богомыслие - глубокое размышление о Боге, о бытии мира, о судьбах Божиих. Гуляя по уединенным местам, человек может так углубиться в самого себя, в свои глубокие размышления, что перестает замечать то, что происходит вокруг. Молитвенное делание делает ум глубоким и уединенным. О последствиях сердечной молитвы Каллист Таликуд пишет так: «После сего ум (νοῦς), обычным образом, начинает разсматривать природу вещей (τάς φύσεις τῶν ὄντων), постигать художество Божие, понимать Божественную мысль, и узревать во всем следы Божеской силы, премудрости, благодати и всего, что обыкновенно в Боге созерцается; и в таинства Писания входит он, и преестественных благ вкушает, и премирными красотою наслаждается, и Божией любви делается приятелищем». «Чувством молитвы, — пишет авва Евагрий, — является глубокое раздумие (σύννοια μετ' ἐυλάβειας), сопровождающееся благоволением, сокрушением и мукой душевной при исповедании прегрешений с беззвучными стенаниями».

Объясняя переход от «самотрудного искания молитвы к живому Богообщению», свт. Феофан Затворник пишет о началах этого живого Богообщения: «Состояние это похоже на то, в каком бывает человек, когда о чем-либо задумывается. Задумавшийся уходит внутрь себя и сосредотачивается в своей душе, не обращая внимания на свою внешнюю обстановку, на лица, вещи и события». Человек приобретает подлинную способность мыслить, он вдохновенно и глубоко созерцает сущее, восходит к смыслу тварных вещей. Это и есть глубокая поэзия ума, соединенного с сердцем, поэзия, переходящая в некое пение, поэзия, как глубокая и подлинная культура души.

При углублении умного созерцания человек «замирает» всеми чувствами своей души, время вокруг как будто останавливается — начинается исихия. Человек так сильно увлечен созерцанием, которое живо тревожит его ум, что «замирает» в едином мгновении, влечется в глубокие тайны сущего. «Созерцание есть ощущение божественных таин, — пишет преп. Исаак Сирин, — сокровенных в вещах и в их причинах». «Ум, освободившийся от страстей, — говорит авва Фалласий, — делается световидным, будучи непрестанно осияваем созерцаниями всего сущаго». Ум перестает быть мертвым рассудком — он становится живым, поэтическим, вдохновенным. И это есть безмолвие, никому не доступное внутреннее одиночество, подлинное богословие ума. Бывает, что, даже находясь среди людей, такой человек пребывает один, поскольку он создал свой собственный мир, он огражден стеной, за которую войти может не каждый. Он становится, по сути, истинным гностиком, который научился «правильному знанию», который обрел путь истинной науки, путь соединения ума и сердца. Это есть гностик, внутренний опыт которого превзошел опыт других людей. «Духовный судит о всем, а о нем судить никто не может» (1 Кор. 2, 15), — говорит святой апостол Павел.

Ум, приобретая чистоту, постепенно входит в состояние умного или духовного видения мира мысленного, нематериального. «В первый удар благодати зовущей, вместе с вступлением внутрь, — пишет свт. Феофан Затворник, — открывается и сей мир — зрение иного мира, независимо от человека, хочет ли он того или не хочет». Зрителем в данном случае является ум. Зрение это есть не чувственное, не телесное, а умное, духовное. «При истинном духовном подвиге благодать Божия, насажденная в нас Святым Крещением, начинает исцелять нас мало-помалу от слепоты духа посредством умиления. В противоположность состоянию слепоты мы начинаем входить в состояние видения. Как в состоянии видения зритель — ум, то и видение названо святыми Отцами видением умным, то есть умственным». И это есть уже не созерцание, это есть состояние, когда ум начинает «что-то» видеть.

Начатки подобного умного зрения мы можем наблюдать в нашей жизни. Порой, мы

можем не видеть человека, но ощущаем его присутствие. Бывает, что, никого не видя, мы чувствуем чей-то взгляд. То есть, никого не видя, мы все-таки ощущаем чье-то присутствие. Когда очищается ум человека, тогда он, не видя никого телесными глазами, умом видит присутствие, видит святых ангелов или «мрачные лица мысленных эфиопов». Святитель Игнатий (Брянчанинов) так пишет об умном видении нечистых духов душами святых: «Озаряемые Божественною благодатию, уже издали они ощущали приближавшихся к ним мысленных татей и убийц и видели во внимании своем, как в зеркале, черные лица мысленных эфиопов». «Во внимании своем», то есть сосредоточившись, соединив ум и сердце, они начинали видеть присутствие мысленных существ, ощущать их дух и намерение, ясно видеть кто это такие и для чего они приближаются. Митрополит Антоний Сурожский вспоминал о своем детстве, что когда он решил, прочитав Евангелие и, окончательно разочаровавшись в христианстве, покончить жизнь самоубийством, то, прочитав несколько глав, он напротив себя, по другую сторону стола, увидел Христа. Он никого не видел, но знал, то есть видел, что там стоит Христос.

И если в молитве человека начинают посещать какие-нибудь видения, если он видит свет или что-либо осязательное, то это ведет к прелести и очень строго воспрещается святыми отцами принимать за истину. «Во время молитвы, – говорит авва Евагрий, – не взыскуй никогда лицезрения [какого-либо] лика или вида. Не желай видеть чувственным образом ни Ангелов, ни Силы, ни Христа, дабы не стать полным безумцем, принимая волка за пастыря и поклоняясь [вместо Бога] супротивникам бесам. Начало прельщения ума – тщеславие; побуждаемый им, ум пытается описать Божество в [каком-либо] лике или виде». «Никто, – пишет блаженный Диадок епископ Фотикийский, – слыша о чувстве ума, да не воображает, будто слава Божия является ему чувственно. Мы говорим, что душа, когда бывает чиста, неизреченным неким вкушением ощущает божественное утешение, но не так, чтоб при сем чувственно являлось ей что-либо из невидимаго; *ибо ныне мы верою ходим, а не видением*, как говорит блаженный Павел (2 Кор. 5, 7). Почему, когда кому-либо из подвизающихся явится свет, или зрак какой огневидный, или глас, пусть он ни под каким видом не принимает за истинное такое явление. Ибо это явно есть прелесть вражия, – и многие, с которыми это случалось, по неведению, сбивались с пути истиннаго».

Вряд ли целью этого и подобных ему изречений блаженного Диодоха была какая-нибудь полемика с мессалианством. Подобные изречения встречаются у многих святых и своей целью имеют предостеречь неопытных в духовном делании от плотского восприятия нематериальных, духовных предметов. Блаженный Диадок не мог не понимать тех образов, в которых описывает египетский пустынножитель духовное видение. И преп. Макарий Великий, и Евагрий Понтийский, и блаженный Диадок, и многие другие отцы – все они по-своему выражают одну и ту же духовную реальность – духовное видение иного мира.

«Само сердце, – пишет преп. Макарий Великий, – малый сосуд; но там есть змии, там есть львы, там есть ядоносные звери, там все сокровища порока, там пути негладкие и стропотные, там пропасти; но там также и Бог, там Ангелы, там жизнь и царство, там свет и Апостолы, там сокровища благодати, там есть все». Когда человек «открывает» свое сердце, он обретает в нем целый мир, мир духовный. «Потщись войти во внутреннюю клеть, – пишет преп. Исаак Сирин, – и узришь клеть небесную, потому что та и другая – одно и то же и, входя в одну, видишь обе». Клеть внутренняя и клеть небесная, таким образом, по мысли преп. Исаака, есть одно и то же. Царствие Божие открывается внутри человека. «Ум, очищенный от всякой нечистоты, – говорит преп. Никита Стифат, – по блестящим и светлым разумениям бывает для души звездным небом, имея в себе Солнце правды

сияющим, и светлые лучи богословия испущающим, в уяснение, что есть глубина и высота, и широта ведения Бога».

Однако может возникнуть вопрос: как человек может внутри себя обнаружить целый мир, мир не фантастический, не выдуманный, являющийся не плодом фантазии, а мир реальный? И здесь необходимо обратиться к одной важной идее, которая была развита в философии интуитивизма. Эта идея, по своей сути, есть идея святоотеческая, получившая здесь лишь необходимое для нас обоснование. Мы не склонны святоотеческое богословие растворять во всепоглощающей бездне философии, поэтому отметим лишь некоторые, на наш взгляд, важные интуиции этого философского направления.

«По мнению Бергсона, – пишет Н.О. Лосский в своем обзоре интуитивной философии Бергсона, – существуют два глубоко различные вида знания: рассудочное и интуитивное. Рассудочное знание достигается путем сравнения предмета с другими предметами и выделения из них общих свойств; следовательно, оно есть анализ, создающий общие отвлеченные понятия. Каждое такое общее понятие выражает свойство предмета, однако в «обезличенном» виде, лишая его индивидуальных очертаний».

«Рассудочное знание не есть выражение самой действительности, оно не дает абсолютной истины о сущности вещей < ... > оно упрощает действительность». Рассудочному знанию о предмете противостоит интуитивное знание, которое Бергсон называет «интеллектуальной симпатией», «посредством которой мы понижаем во внутрь предмета, чтобы слиться с его индивидуальной, следовательно, невыразимой в общих понятиях природою и постичь его в его собственном существе». «Рассудочное знание ослепляет, а интуитивное дает сразу всю бесконечную содержательность предмета».

Ум (рассудок) расчленяет предмет исследования, а дух (сердце) объемлет этот предмет целиком. Рассудочное знание есть путь науки, которая идет к Истине путем все большего и большего знания. Интуитивное знание есть путь веры, которая духовным ощущением, сердцем, познает цельно весь предмет. Согласно центральной идее интуитивизма, такое интуитивное знание познает этот предмет изнутри. И в жизни мы соприкасаемся с этим довольно часто. Бывает, что человек, принявший дух того или иного явления, начинает мыслить так, как будто он давно знаком с этим явлением. Это бывает хорошо видно на неожиданно горячо уверовавшем человеке, который «вдруг» открыл для себя веру в Бога. Он, еще мало знакомый с самой религией, говорит порой очень правильные вещи, мыслит разумно, хотя и имеет, в силу поврежденности своих душевных сил, в образе мыслей много наносного и искаженного.

Прот. Василий Зеньковский, делая некий упрек Н.О. Лосскому по поводу возможности интуитивного познания, замечает: «Лосский исходит из того основного чуда, которое заключено в гносеологической координации – субъект каким-то чудом познает объект именно «там», где он находится». «Какообъект, внешний субъекту, принадлежит субъекту < ... > Лосский себя не спрашивает». Гносеологическая координация – понятие, введенное Лосским. Смысл в данном случае довольно прост - Лосский говорит о том, что каким-то образом расстояние между субъектом и объектом исчезает, мы постигаем предмет «там, где он находится», «координация» ума происходит сама собой. «Как возможна «гносеологическая координация» того, что находится вне эмпирического субъекта, – пишет прот. Василий, – с самим субъективным миром во мне? Это и есть проблема гносеологического дуализма, которого никто - ни Лосский, ни другие интуитивисты - не может ни ослабить ни, тем более, свести к нулю».

Мы уже говорили о том, что ум (рассудок), разделенный с сердцем находится в

состоянии противопоставления мира внутреннего миру внешнему. Соответственно, соединение ума (рассудка) и сердца разрушает это противопоставление. Важно понимать, что при всяком восприятии мы воспринимаем логосы, смыслы бытия, а эти логосы имеют нематериальную природу. Мысль тем и отличается от материи, что она не имеет протяженности. Если какой-либо материальный предмет может находиться в руках только одного человека, то мысль, одна и та же, может одновременно принадлежать разным людям. И не просто принадлежать. Приемля мысль, мы сами изменяемся в эту мысль, сами становимся этой мыслью. Это становится очень важным, ибо нас окружает мир смысла, мир мысли, который лишь «облекся» в материю.

Все в окружающем нас мире имеет смысл. Любое явление, любой предмет несет в себе определенную идею и без этой идеи не существует. Идея – есть сущность вещи. Если убрать идею, мысль, закон бытия, то от нашего мира не останется в буквальном смысле ничего. Не останется даже бесформенной материи, носящейся в бесконечной Вселенной. Ведь бесформенная материя в глубине своей тоже имеет законы своего существования. Убери законы, смыслы бытия «до конца» – ничего не останется. Материя в буквальном смысле «состоит» из смысла, из мысли. Вне закона, вне

смысла ничего не существует. Именно поэтому мы и говорим, что Бог есть Смысл и Природа всего сущего. Вне Бога ничего нет. Материя не имеет собственной субстанциональности – ведь мир сотворен из ничего, «ничто» он и есть.

И если Эйнштейн открыл то, что все материальные предметы, которые нас окружают, есть, по сути, «твердая энергия», то может когда-нибудь будет сделано более значимое открытие – открытие того, что все предметы окружающего нас мира по существу своему, так сказать, «состоят» из мысли и смысла. Убери мысль, смысл – ничего не останется. Материя – это «твердая мысль». Таким образом, постигая смыслы вещей, мы постигаем сами вещи. Ведь вещь – это не материя, вещь – это смысл. «Гносеологический дуализм», о котором говорят философы, при этом удобно «проходит».

И если мы пришли в глубокую целостность ума (рассудка) и сердца, то мы можем постичь вещи так, как вещи видят себя. Это есть, поистине, некое великое таинство, таинство, в которое вводится чистый ум. Это есть степень зрения творений Божиих. Это постижение есть путь веры, путь духа, путь сердца, постижение цельное и неделимое. «Соделавший сердце свое чистым не только познает смысл и значение вещей второстепенных и после Бога сущих, но, прошедши все их, зрит некако и самого Бога», – пишет преп. Максим Исповедник. Духом, сердцем мы воспринимаем смыслы, логосы бытия, проникая при этом в само бытие. Все это открывается чистому уму, уму, пришедшему в цельность и единство, уму, который божественная благодать сделала прозорливым. Соединение ума и сердца – процесс, который продолжается всю жизнь. И чем глубже приходит человек во внутреннюю цельность ума и сердца, тем глубже он проникает в тайны окружающего его мира. Это есть путь ученого, первым из которых был первозданный Адам. Святые глубоко видели тварный мир, у них получался с этим миром глубокий диалог, подобный тому, какой был у Адама в Раю.

Чистый ум, видя предмет, оказывается как бы внутри его, лучше сказать – предмет предстает внутри человека. Преп. Максим Исповедник так показывает связь между помышлениями о вещах и самими вещами. «Твари суть вне ума, а созерцание их он приемлет внутри себя». Помышления о предмете – внутри ума, и сам предмет, таким образом, предстает внутри человека, ибо вещь не имеет собственной субстанциональности – она «состоит» из мысли, ее природа, так сказать, есть природа мысленная. Жизнь предмета предстает внутри человека – человек

постигает предмет изнутри.

Слова преп. Максима хорошо дополняет преп. Макарий Египетский: «Слово Божие есть Бог, а слово мира есть мир» (Ὁ τοῦ Θεοῦ λόγος, Θεός ἐστί. Καί ὁ λόγος τοῦ κόσμου, κόσμος ἐστί). То же самое имеет в виду этот святой, когда пишет: «Как змий, говоривший с Евою, проник в ее душу вследствие ее послушания (διὰ τὴν ὑπακοήν ἔνδοθεν ἐπεισῆλθεν): так и ныне чрез послушание человеческое входит в человека грех, который вне его; потому что грех имеет власть и свободу входить в сердце (εἰς τὴν καρδίαν); так как помыслы — не вне человека, но внутри — из сердца (οἱ γάρ λογισμοὶ οὐκ εἰσὶν ἔξωθεν, ἀλλ' ἐνδοθεν ἐκ τῆς καρδίας)».

Это станет очень важным, когда мы будем говорить о призвании человека. Это становится невероятно важно, когда мы говорим об обожении. Бог предстает внутри человека, а человек при этом становится тем, что Бог есть. Человек видит Бога в самом себе, видит таким, каков Бог есть, — страшно сказать, — каким Бог видит Себя.

Конечно, мы не познаем Бога таким, какой Он есть. Мы познаем Бога в энергиях — то есть частично, в меру своих сил. Если мы говорим об энергии ума человека, то мы понимаем, что энергия есть движение этого ума. Энергию нельзя отделять от ума — это есть ум в своем движении. Вспомним уже приводимые нами строки святителя Григория Паламы, где он энергию ума отождествляет с самим умом. «Умом (ν οὐς) называется и деятельность (ἐνέργεια), ума состоящая в мыслях и разумениях». Энергия есть движение ума, а значит она, по своему существу, есть дух и мысль, ибо ум движется тогда, когда он мыслит. Энергия, мысль, дух — это все есть единый ум в своем движении. Бога мы постигаем не по Сущности, а в энергиях, то есть частично, в меру своих сил. Энергия есть «пульсация» ума, так сказать, частичное явление ума во вне. Бог предстает внутри нас как Единый Ум, как Слово, как Дух, как Энергия.

Сказать, что мы Бога познаем не в сущности, а в энергии, — это то же самое, что сказать, что Бог предстает внутри нас настолько, насколько мы можем Его понять, понять как Личность, Которая открывает Себя изнутри. Цель христианина преп. Макарий Египетский ставит так: нужно освободиться от утонченного лукавства, «чтобы прийти в срастворение с безначальным Умом» (ἵνα καὶ ἀνάρχω νοῖ συυχραθῆ). В другом месте он, описывая таинство единения человеческой души с Богом, говорит: «тогда душа и Господь делаются единый дух, единое срастворение, единый ум (εἰς ἓν πνεῦμα, καὶ εἰς μίαν κρᾶσιν, καὶ εἰς μίαν διάνοιαν γίνονται ἡ ψυχὴ καὶ ὁ Κύριος). Тело души остается поверженным на земле, а ум (διάνοια) ее всецело жительствоует в небесном Иерусалиме, восходя до третьего неба, прилепляясь ко Господу, и там служа Ему».

В этом смысл обожения. Ум человека — становится умом Божиим, и это обожение меняет всего человека, меняет его жизнь, поведение. Человек внутренне изменяется в то, что видит. Бог становится внутренним достоянием многих христиан. «Как огнем зажигаются многие светильники и горящие свечи; и все свечи и светильники возжигаются и светят тем, что по природе одно и то же (ἀπό μιᾶς φύσεως ἀνάπτονται καὶ φαίνουσι): так и христиане воспламеняются и светят одним и тем же по природе Божественным огнем Сына Божия (οὕτως καὶ οἱ Χριστιανοὶ ἀπό μιᾶς φύσεως ἀνάπτονται, καὶ φαίνουσι, τοῦ πυρός τοῦ Θεοῦ, τοῦ Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ); и они в сердцах своих имеют горящие свечи, и будучи еще на земле, светят пред Ним, подобно Ему самому», — говорит преп. Макарий Египетский. Одна и та же Мысль, Слово Божие становится Мыслью многих христиан. Ограниченный ум входит в единение с неограниченным, беспредельным Умом, со Словом Божиим, с человеком Иисусом Христом. Человек встречается с Личностью, которая предстает перед ним как бездонная тайна, бездонное неведомое молчание, заставляющее умолкнуть

самый немолчный ум.

Благодать Божия не есть нечто внешнее для человека. Она глубоко укоренена в самой его природе. И она делает человека сверхчеловеком, малым богом, человеком, превосходящим самого себя. Действие благодати человек часто воспринимает как нечто естественное, порой даже не понимая ее действий. Благодать действует в нас так, как действует само наше естество. Бывает, мы чувствуем, что стало светло и хорошо на душе, а бывает, приходит какое-то понимание, решение какого-то сложного вопроса, которое мы приписываем своему уму, неожиданному его озарению. Благодать действует в естестве, она «усиливает» это естество, делает его сверхъестеством.

Говоря об обожении, мы не можем не коснуться еще одной темы – темы богословия материи. Эта тема была развита в полемике двух святителей – свт. Феофана Затворника и свт. Игнатия (Брянчанинова). Мы не будем глубоко входить в эту полемику – это тема отдельного разговора, разговора, может, не столь необходимого. Скажем лишь о том, что вопрос богословия материи – это вопрос конечности тварного. Именно материя ограничивает нас в пространстве и во времени. В этом и заключается сущность материи. Материя есть ограниченность, ограниченность пространством и временем. Если мы представим на мгновение мысль, лишённую материи, то скажем, что эта Мысль должна быть вездесущей и вневременной. Она должна быть Вечностью. Эта Мысль есть Бог. «Так как Бог есть зиждительная, живая и животворящая Мысль, – пишет святой Иоанн Кронштадский, – то весьма согрешают те, которые мыслями своего духа отклоняются от этой ипостасной Мысли и занимаются только предметами вещественными, тленными, овеществляя чрез то дух свой». Любое тварное бытие, по мысли святителя Игнатия (Брянчанинова), должно быть материально.

В «слове о смерти» и в некоторых своих письмах святитель Игнатий развивает эту, на первый взгляд, необычную мысль – о вещественности человеческой души и ангелов. Необычную, поскольку он утверждает не что иное, как то, что тварная мысленная, духовная природа в своей сущности материальна. «Не признавали Отцы, как выше сказано, ангелов, облеченными в тонкое тело: они признавали самую сущность их тонким телом». «Это ультра - материализм, или материализм, вышедший из своих пределов», – писал святитель Феофан Затворник в своей книге, специально написанной для разбора этого нового учения. По мнению святителя, если материализм стремится явления духовного, умного порядка свести к проявлению материи, то здесь сами духовные явления объявляются материальными. В чем же опыт святителя Игнатия?

«С 1843 года, – пишет он в слове о смерти, – независимо от меня, необходимость заставила вникать подробнее и точнее в значение души и сотворенных духов. Справедливо сказал Антоний Великий, что это познание крайне нужно для подвижников. Особенно нуждаются в нем те подвижники, которые в подвиге своем введены перстом Божиим в брань с духами». В этом письме святитель, по сути, признается в том, что с 1843 года у него началась чувственная брань с нечистыми духами. При этом он, безусловно, глубоко рассмотрел эту брань. Все это для него не было плодом какой-нибудь интеллектуальной спекуляции. Этот вопрос он считал достаточно актуальным.

Святитель Игнатий говорит, что нематериален только один Бог, все остальное – материально, пусть и имеет такой вид материи, который еще не открыл человек. «В собственном смысле – невещественен Один, необъемлемый пространством - Бог». В этом смысле даже само пространство не может существовать вне материи. «Чистого» пространства нет. «Пространство за земною атмосферою, как и вообще всякое пространство, не может быть чуждым материи», – пишет святитель в этом

же письме.

Опыт святителя Игнатия (Брянчанинова) в данном случае очень глубок. Материя одним из своих сущностных качеств имеет ограниченность. И в этом смысле мы саму душу человека можем определить как ум, которому положен предел и ограниченность. Душа есть ограниченный ум, поэтому она имеет внешний вид, занимает положение в пространстве и времени. Однако эта материя есть материя какого-то особого свойства, «умная материя», способная к духовным проявлениям, способная одухотворяться и превосходить саму себя.

К этому превосхождению самого себя и призван человек. Говоря о круговом движении ума, о возвращении ума на самого себя, святитель Григорий Палама пишет: «Второе-то < то есть возвращение ума на себя самого > и есть лучшее и наиболее свойственное уму действие (ἐνέργεια), через которое он превосходит иногда сам себя, соединяясь с Богом (δι' ἧς καὶ ὑπὲρ ἑαυτόν γινόμενος ἔσθ' ὅτε τῷ Θεῷ συγγίνεται)». Ум превосходит самого себя, превосходит свою ограниченность. В этом и состоит великое чудо обожения.

Это есть подлинная мистика, и она противостоит мистике «сверхинтеллектуальной», той, которой был «болен» ученый Варлаам. Весь смысл полемики святителя Григория с Варлаамом можно свести к одному: это полемика цельного ума со «сверхинтеллектуализмом», которым часто «болеют» ученые люди. Эту полемику вел и Климент Александрийский, стремясь показать, что значит подлинная философия. Подлинная духовная жизнь – это жизнь цельного ума, увлеченного тайной неограниченного, стремящегося к одухотворению и самопревосхождению.

Понимание божественной благодати как духовной природы должно непременно заставить задуматься нас о природе окружающего нас мира, который так же, как и человек, призван к обожению, призван к тому, чтобы быть проникнутым Божеством, проникнутым божественным светом. Каков мир, который нас окружает? Как возможно обожение тварного мира, обожение, когда Бог будет «все во всем», обожение, когда и сама материя станет Телом Христовым, не теряя при этом себя саму? Это вопрос того же порядка, как и тот, как может человек, оставаясь самим собой, стать тем, что есть Бог, кроме тождества по сущности. Это вопрос обожения.

Заканчивая наше исследование, заметим, что оценка рассмотренного нами богословия, может быть, не столь насущна, хотя она тоже, наверное, необходима. Нам кажется, что в данном случае важна даже не оценка, важно понять, почему подобные отвлеченные построения возникают, с чем это связано. Слишком часто при исследовании святоотеческой письменности мы ищем каких-либо влияний, заимствований, не осознавая, что сам этот подход неполноценен. Чаще всего это есть подход внешнего, а не внутреннего порядка. Человек, начинающий вести глубокую внутреннюю жизнь, а именно такими были святые отцы, приобретает прежде всего внутренний опыт и живет в мире опыта. Имея внутренний опыт, живя в мире опыта, святой избирает из него крупницы, которые есть крупницы такого же подлинного опыта, и любое отвлеченное построение он просто игнорирует. Он избирает опыт, а значит избирает подлинное и истинное, ибо опыт таковым и является.

Можно говорить о христианском платонизме или аристотелизме, имея при этом в виду то, что этот платонизм и аристотелизм по существу своему стали подлинным внутренним опытом святого. Они не изменили мировоззрения, они просто подтолкнули святого к тому, чтобы увидеть то, что и без них он, может быть, увидел. Опыт подлинен и святые избирают только подлинное. Именно поэтому, говоря о том или ином влиянии, важно учитывать при этом глубокий внутренний характер происходящего.

Патрологическим исследованиям больше подходит анализ богословский, нежели

сравнительный. Богословский анализ есть вчитывание и вдумывание. Проблема исследований заключается в том, что каждый ученый, описывая опыт святого, описывает, по существу, не его опыт, а опыт свой собственный. Насколько он приобрел этот опыт, настолько он и видит опыт святого. И получается, что исследовательская работа достигает своей цели не полностью – исследователь сам себя преломляет в своей работе. Отсюда мы и имеем многие неказистые теории, где святые «сортируются» по сортам, – мы читаем не опыт святых, мы читаем опыт исследователей, который оказался, грубо говоря, не на высоте.

Богословский анализ есть вдумывание и вчитывание, стремление перерасти самого себя, «дорости» до каких-либо пониманий и эти понимания изложить. Именно понимания, осознания, а не «знания» святого. Это, конечно, не будет опытом святого во всей полноте, но это будет подлинным исследованием. Читая то или иное исследование, мы читаем прежде всего опыт самого исследователя. И здесь непременно возникает вопрос: возможен ли вообще объективизм как таковой, или все воспринимаемое нами есть лишь некая субъективная реальность? Да, объективизм возможен, он существует и связан с опытом как важнейшим гносеологическим понятием. Объективен и подлинен именно опыт. Он связывает исследователя и исследуемое. Без этого понятия мы с необходимостью впадем в агностицизм и солипсизм.

Святого нельзя «исследовать», его можно просто немного понять. И здесь возникает еще одна проблема – проблема чтения. Размеренное, вдумчивое чтение углубляет опыт. Когда мы читаем вдумчиво, размеренно и неспешно, мы растем в своем внутреннем понимании происходящего. Чтение необходимо. Проблема здесь заключается в том, что наши знания, наше чтение часто перегоняют наш опыт. Быстрое, спешное «хватание» знаний подавляет внутренний рост, делает работу исследователя фактически бессмысленной. Замечательный совет дает митрополит Антоний Сурожский, ссылаясь на своего отца - думать больше, чем читаешь, ведь когда человек думает, он приобретает опыт. «Зачитанность» чаще всего имеет самые негативные результаты, приводит к развитию фантастического жанра. Тогда преподобный Макарий становится «Макарием», Климент Александрийский – «Климентом», преп. Максим Исповедник – «Максимом» и т.д.

Мы не имеем своей целью бросить тень на кого бы то ни было из существовавших до нас церковных ученых. Среди ученых, приемлющих эту теорию, были люди, в какой-то степени являющиеся примерами для православного патролога, а их труды никак нельзя назвать «сверхинтеллектуалистическими» пособиями по патрологии. Однако подобные искажения сами собой не появляются – они результат того, что в чем-то нарушен баланс. Как в прошедшие времена, так и в наше время особенно, время великого движения информации, нам, как никогда, не хватает создания подлинной православной гносеологии, о которой писал прот. Василий Зеньковский, что эта гносеология была только в начатках зачата в недрах русской религиозной философии, но создана так и не была.

«Надо сознаться, – пишет прот. Василий, – что восточное богословие, дух и традиции которого (от св. Отцов) так отличны от западного мышления, не выработало до сих пор своей гносеологии, т.е. не развило теории знания, отвечающей нашему религиозному сознанию. Это относится и к русской религиозной философии: у нас всегда довольствовались продуктами гносеологических построений Запада, даже не отдавая себе отчета в том, насколько эти построения существенно связаны с западным религиозным сознанием, во многом чуждым, во многом неприемлемым для нас. Впервые самостоятельный православный подход к темам гносеологии был намечен у И. В. Киреевского и Хомякова - только намечен, но не развит. В дальнейшем же русская религиозная философская мысль оставалась

в плену у западной гносеологии и только изредка < ... > обращалась к поискам гносеологии, соответствующей основам нашего православного сознания».

Русский человек, с его широкой натурой, в своей жизни сумел воплотить многие вехи этой гносеологии, а обосновать ее так и не успел. В наши дни, когда мы зачастую невольно впитываем, воспринимаем и усваиваем все то, что возникло там, где заходит солнце, важно задуматься о двухтысячелетнем опыте христианства, о тысячелетней истории нашего народа, задуматься и создать каждому на своем месте что-то свое, может быть пока немного замкнутое, но родное, подлинное, истинное, вечное.

Богослов.ру

Жизнь святых наших. Святые августа.

Память преподобного Антония Римлянина - 16 августа.

Преподобный Антоний Римлянин родился в Риме в 1067 году от богатых родителей, державшихся православного исповедания веры, и был воспитан ими в благочестии. Лишивших родителей в 17 лет, он принялся за изучение писаний отцов на греческом языке. Затем он раздал часть наследства нищим, а другую вложил в деревянную бочку и пустил ее в море. Сам же принял пострижение в одном из пустынных скитов, где прожил 20 лет.

Гонение со стороны латинян на православных принудило братию разойтись. Преподобный Антоний скитался, переходя с места на место, пока не нашел на пустынном берегу моря большой камень, на котором целый год прожил в посте и молитве. Страшная буря, разыгравшаяся 5 сентября 1105 года, сорвала камень, на котором находился преподобный Антоний, и понесла его в море. Под праздник Рождества Пресвятой Богородицы камень остановился в 3 верстах от Новгорода на берегу реки Волхов при селе Волховском. Событие это засвидетельствовано в новгородских летописях. На этом месте преподобный, с благословения Новгородского святителя Никиты (+1109, память 14 мая), основал монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

На другой год рыболовы выловили бочку с наследством преподобного Антония, пущенную в море много лет назад. Указав, что находилось в бочке, преподобный забрал бочку и купил для обители земли.

Духовное подвижничество сочеталось в обители с напряженной трудовой деятельностью. Преподобный Антоний заботился, чтобы из монастырских доходов оказывалась помощь нищим, сиротам и вдовам. В 1117 году преподобный начал каменное строительство в монастыре. До наших дней сохранился собор в честь Рождества Пресвятой Богородицы, построенный при жизни преподобного в 1117-1119 г.г. известным новгородским зодчим Петром, с фресковыми росписями 1125 года. В 1131 году святитель Нифонт Новгородский поставил преподобного Антония игуменом монастыря. Скончался святой Антоний 3 августа 1147 года, имея 79 лет от рождения.

Мощи его обретенны 1 июля 1597 года нетленными, и положены в окованную серебром раку. До 30-х годов нашего века мощи преподобного Антония почивали в соборной монастырской церкви Рождества Пресвятой Богородицы, в приделе его имени. В настоящее время их судьба не известна

Память святителя Тихона Задонского - 26 август.

Святитель Тихон (в миру Тимофей) родился в 1724 году в семье беднейшего причетника села Короцка (Валдайского уезда) и вскоре после рождения лишился

своего родителя. Детство и отрочество его прошли среди ужасной нищеты: иногда целый день ему приходилось работать у жителей родного села ради куска хлеба. Он едва избежал набора в солдаты и поступил учиться в Новгородскую семинарию, в которой потом стал наставником. Некоторые особенные обстоятельства (чудесное спасение от смертной опасности и некоторые видения) расположили его к принятию иночества. В 1758 г. его постригли в монашество с именем Тихон. В следующем году он был назначен ректором Тверской семинарии, где читал лекции по нравственному богословию. Причем читал их по-русски, а не по-латыни, как было до него принято. Кроме студентов, на его лекции приходило много посторонних лиц.

В 1761 г., на 37 году жизни иеромонах Тихон, по явному указанию свыше, был избран епископом. Около двух лет он был викарием в Новгороде и около четырех (1763-1767 гг.) самостоятельно возглавлял епископскую кафедру в Воронеже. Все время своего епископства он усердно проповедовал и побуждал к тому же подчиненных ему священников. В Воронеже со времен язычества соблюдался праздник в честь Ярилы, соединенный со множеством всяких бесчинств. Однажды святитель неожиданно явился на народную площадь среди самого разгара веселья и начал обличать бесчинников. Его слово так подействовало, что праздник более уже не возобновлялся.

Между тем усиленные труды расстроили здоровье святителя Тихона. Он испросил увольнение от должности и последние 16 лет (1767-1783 гг.) жизни провел на покое в Задонском монастыре. Все время, за исключением 4-5 часов отдыха, у него посвящалось молитве, чтению слова Божия, делам благотворительности и составлению душеполезных сочинений. Ежедневно он приходил в храм. Дома он часто падал на колени и, обливаясь слезами, как самый тяжкий грешник, взывал: "Господи пощади. Господи помилуй!" Непременно каждый день он читал по несколько глав из Священного Писания (особенно пророка Исаию), а в дорогу никогда не ездил без маленькой Псалтири. Вся его 400-рублевая пенсия шла на благотворительность, и сюда же направлялось все, что он получал в дар от знакомых. Часто в простой монашеской одежде он отправлялся в ближайший город (Елец) и посещал заключенных местной тюрьмы. Сам он был в высшей степени нестяжателен, жил среди самой простой и бедной обстановки. По природе горячий и вспыльчивый, он был удивительно кроток и незлобив. До земли кланялся келейнику, прося прощения за какое-либо слово, показавшееся тому обидным, и старался всегда платить добром, когда кто наносил ему какое-либо оскорбление. Раз, в доме знакомого, он вступил в беседу с одним дворянином вольтерьянцем и кротко, но так сильно во всем опровергал безбожника, что гордый человек не вытерпел и, забывшись, ударил святителя по щеке. Святитель Тихон бросился к нему в ноги и начал просить прощения, что привел его в раздражение. Это смирение святителя так подействовало на дерзкого оскорбителя, что тот обратился к Православной вере и после стал добрым христианином.

Святой Тихон обладал даром прозрения и совершения чудес, читал мысли собеседников. В 1778 году, когда родился император Александр I, святитель предсказал многие события его царствования и в частности, что Россия спасется, а Захватчик (Наполеон) погибнет. Особенно святитель любил беседовать с простым народом, утешал его в тяжелой доле, помогал разоренным. Из монастырской слободы его навещали дети. Он учил их молитве, а после беседы оделял деньгами. Блаженная кончина святителя Тихона последовала 13 августа 1783 г. Через 63 года были открыты его нетленные мощи, а в 1861 г. его причислили к лику святых. Среди письменных трудов святителя Тихона Задонского особой популярностью пользуется сборник коротких поучений, полных примеров из жизни, называемый: "Сокровище духовное, от мира собираемое".

В память св.Тихона на месте его погребения сначала была выстроена часовня, а позднее, после ее разборки - одноглавый однопрестольный храм, примыкающий к паперти Владимирского собора.

После революции мощи св.Тихона были осквернены. Им была уготована судьба многих русских духовных реликвий, попавших под "красное колесо".

В январе 1919 года специальная комиссия вскрыла гробницу Тихона. В 1922 году под предлогом помощи голодающим Поволжья обе серебряные раки: малая - из Рождественской церкви и большая - из Владимирского собора были конфискованы.

В 1932 году мощи были вывезены из Задонска и позже оказались в Орловском краеведческом музее. В 1988 году по случаю 1000-летия Крещения Руси они были переданы Орловской епархии. Там мощи пребывали до момента торжественного возвращения их под своды Владимирского собора Рождество-Богородицкого монастыря в 1991 году. Через два года обители возвратили мощи митрофаньевских старцев, духовных последователей, единомышленников св.Тихона, тех, кто был похоронен в одной усыпальнице-пещере. "Первый среди них схимонах Митрофан, самый близкий" друг святителя, присутствовавший при его кончине.

Память святой равноапостольной Марии Магдалины - 4 августа.

Святая равноапостольная Мария Магдалина удостоилась первой из людей увидеть Воскресшего Господа Иисуса Христа. Родилась она в местечке Магалы в Галилее. Жители Галилеи отличались непосредственностью, пылкостью нрава и самоотверженностью. Эти качества были присущи и святой Марии Магдалине. С юности она страдала тяжким недугом - беснованием (Лк. 8, 2). Перед Пришествием в мир Христа Спасителя бесноватых было особенно много: враг рода человеческого, предвидя свое близкое посрамление, восставал на людей со свирепой силой. Через болезнь Марии Магдалины явилась слава Божия, сама же она обрела великую добродетель всецелого упования на волю Божию и ничем непоколебимую преданность Господу Иисусу Христу. Когда Господь изгнал из нее семь бесов, она, оставив все, последовала за Ним.

Святая Мария Магдалина следовала за Христом вместе с другими женами, исцеленными Господом, проявляя трогательную заботу о Нем. Она не оставила Господа после взятия Его иудеями, когда начала колебаться вера в Него ближайших учеников. Страх, побудивший к отречению апостола Петра, в душе Марии Магдалины был побежден любовью. Она стояла у Креста вместе с Пресвятой Богородицей и апостолом Иоанном, переживая страдания Божественного Учителя и приобщаясь великому горю Богоматери. Святая Мария Магдалина сопровождала Пречистое Тело Господа Иисуса Христа при перенесении Его ко гробу в саду праведного Иосифа Аримафейского, была при Его погребении (Мф. 27, 61; Мк. 15, 47). Служа Господу во время Его земной жизни, она желала послужить Ему и после смерти, воздав последние почести Его Телу, умастив его, по обычаю евреев, миром и ароматами (Лк. 23, 56). Воскресший Христос послал святую Марию с вестью от Него к ученикам, и блаженная жена, ликуя, возвестила апостолам о виденном - "Христос воскрес!" Как первая благовестница Христова воскресения, святая Мария Магдалина признана Церковью равноапостольной.

По преданию, она благовествовала не только в Иерусалиме. Святая Мария Магдалина отправилась в Рим и видела императора Тиверия (14-37). Известный своим жестокосердием император выслушал святую Марию, которая рассказала ему о жизни, чудесах и учении Христа, о Его несправедном осуждении иудеями, о малодушии Пилата. Затем она поднесла ему красное яйцо со словами "Христос воскрес!". С этим поступком святой Марии Магдалины связывают пасхальный обычай дарить друг другу красные яйца (яйцо, символ таинственной жизни, выражает веру

в грядущее общее Воскресение).

Затем святая Мария отправилась в Ефес (Малая Азия). Здесь она помогала святому апостолу и евангелисту Иоанну Богослову в его проповеди. Здесь же она, по преданию Церкви, преставилась и была погребена. В IX веке при императоре Льве VI Философе (886-912) нетленные мощи святой Марии Магдалины были перенесены из Ефеса в Константинополь. Полагают, что во время крестовых походов они были увезены в Рим, где и покоились в храме во имя святого Иоанна Латеранского. Папа Римский Гонорий III (1216-1227) освятил этот храм во имя святой равноапостольной Марии Магдалины. Часть ее мощей находится во Франции, в Проваже близ Марселя, где также воздвигнут храм, посвященный святой Марии Магдалине. Части святых мощей равноапостольной Марии Магдалины хранятся в различных монастырях Святой Горы Афон и в Иерусалиме.

Мирянин миссионер.

Ислам

Ислам - самая молодая из мировых религий. Ислам зародился на юго-западе Аравийского полуострова в начале VII в. в Хиджазе среди племен Западной Аравии. Основатель - пророк Мухаммед, который родился в Мекке в 570 г. (умер в 632г.). Созданная им община стала основой сформировавшегося впоследствии государственного образования - Арабского халифата. Примерно в то же время в исламе произошло формирование двух основных течений - суннизма и шиизма.

По различным оценкам, от 400 до 700 млн. человек исповедует, что "нет никакого божества, кроме Аллаха, а Мухаммед - пророк Аллаха", - свидетельство (шахаду), характерное исключительно для представителей ислама. Аллах - имя Бога мусульман, не поддающееся буквальному переводу. Слово "ислам" в переводе с арабского означает "покорность", "служение". Ислам часто называют мусульманством (от арабского "муслим" - "тот, кто покоряется"). Покоряется мусульманин воле Аллаха, открытой людям через Мухаммеда.

Согласно вере мусульман, Аллах передал Мухаммеду через ангела "Коран" - священное писание мусульман. Мусульмане признают часть Библии (закон Моисея, псалмы Давида и Инжил (т.е. Новый Завет)), но считают, что откровение Мухаммеда превосходит и вбирает в себя все предыдущие откровения. В случаях противоречия Корана Библии за истинное принимается изложение Корана.

Коран состоит из 114 откровений (сур). Суры расположены в порядке возрастания их длины, причем хронологическая последовательность событий, описываемых в Коране, не соблюдается. Помимо Корана, источником вероучения является Сунна - рассказы о жизни Мухаммеда и его высказывания в виде хадисов (сказаний).

В настоящее время ислам разделен на несколько течений. Большая часть мусульман мира принадлежит к суннитам (от слова "сунна"). В частности, к ним относятся около 90% мусульман Ближнего Востока. Сунниты придерживаются достаточно умеренных взглядов.

Другое крупное течение ислама - шииты. Их меньше, чем суннитов. Они более буквально понимают Коран и более тщательно исполняют в жизни требования ислама, более воинственны и фанатичны. Особенно много шиитов в Иране (около 93%).

Еще одно течение - ахмадие. Образовалось оно в 1900г. Его представители, несмотря на свою малочисленность, часто являются инициаторами многих кампаний против "неверных". В Америке ахмадии часто пропагандируют свои взгляды среди молодежи, особенно среди студентов.

Существуют в исламе и секты. Она из них носит название "Суфии". Члены этой организации отвергают строгий монотеизм и склоняются к пантеизму.

Для мусульман единственным истинным Богом является Аллах. Во избежание праведного гнева Аллаха и для достижения вечной жизни необходимо во всем следовать его воле и соблюдать его заповеди. Ислам - не только религия, но и образ жизни. В исламе можно выделить следующие главные предметы веры: 1) в единого Бога; 2) в посланничество Мухаммеда и Писания (в Коране перечисляются пять пророков-посланников: Ной (Нух), Авраам (Ибрагим), Моисей (Муса), Иисус (Иса), Мухаммед); 3) вера в ангелов; 4) в воскресение после смерти и в судный день.

Обязательны для мусульманина так же следующие пять "столпов веры": чтение шахады ("нет никакого божества, кроме Аллаха, а Мухаммед - пророк Аллаха");

пять обязательных молитв в день ("намаз"), выполняемые по-арабски стоя на коленях с поклонами в сторону Мекки;

соблюдение постов в течение месяца рамадан, когда мусульмане обязаны воздерживаться от любой пищи и питья от восхода до заката (однако после захода солнца разрешается вкушать пищу без каких бы то ни было ограничений, что на практике приводит к организации большинством мусульман обильных ночных пиршеств);

паломничество ("хадж") в Мекку по меньшей мере раз в жизни мусульманина;

пожертвования нуждающимся и на нужды духовенства до 1/40 своих доходов (что носит, в основном, скорее рекомендательный характер).

Считается, что при соблюдении этих и других заповедей Аллах, который строго судит человека, даст возможность верующему достичь вечной жизни, которая представляется как место полного удовлетворения человеческих потребностей. В отличие от христианского понимания бог ислама - бог воздаяния за дела, бог-судья.

В прежние времена непременным условием веры было ведение священной войны ("джихад"), и ранние мусульмане считали своим долгом убить хотя бы одного "неверного". Современный ислам более умерен, хотя некоторые шииты поговаривают о необходимости восстановления "джихада" как неотъемлемой части ислама.

Иисус Христос принимается как один из пророков для своего народа и своего времени, но Его Божественность и реальность Боговоплощения отрицается. Большинство мусульман считает, что перед крестными страданиями Христос чудесным образом заменил Себя другим человеком, а Сам был взят на небо живым.

Вообще ислам представляет собой нерасторжимое единство веры, государственно-правовых установлений и определенных форм культуры. Исламу не свойственно разделение сферы жизни на светскую и религиозную части. Эта неразделенность привела к появлению Шариата - закона, который основан на интерпретации положений Корана и Сунны и содержит религиозные установления, правовые нормы, нравственные и бытовые предписания. Руководство религиозной жизнью мусульман в конкретном регионе (государстве) осуществляется наиболее авторитетными священнослужителями, выбираемыми или назначаемыми светской властью. Это - муфтий у суннитов или шейх-уль-ислам у шиитов; надзор за соответствием шариату ведут шариатские судьи - кази. В настоящее время муфтий утверждает имамов мечетей, в которых они являются полноправными руководителями. Имам ответствен за хозяйство, финансы мечетей, духовную жизнь прихожан, он же - хранитель печати. Ближайшие помощники его - наиб-имам

(заместитель) и казначей. При каждой мечети для решения административных вопросов образуется коллегиальное собрание.

К октябрю 1917 г. в России действовало около 30 000 мечетей. С середины 20-х годов советская власть переходит к прямому подавлению исламской религиозной жизни и культуры: насильственно насаждается атеизм, уничтожаются книги, написанные на арабском языке, вводится латиница, а затем кириллица. Всего в годы сталинского террора погибло от 30 до 50 тыс. мусульманских священнослужителей - почти вся исламская духовная элита.

Некоторые изменения в религиозной политике властей произошли во время Второй мировой войны, когда с разрешения властей воссоздаются четыре независимых региональных Духовных управления мусульман (на территории РСФСР - в Махачкале и Уфе). В 1948 г. действовало около 400 мечетей, а в 1968 г. - около 300. Однако тысячи мечетей и мулл действовали без регистрации, вне рамок законодательства.

В настоящее время ислам распространен на большой территории России среди значительной части верующих. По приблизительным данным, его исповедуют от 12 до 20 млн. человек на Северном Кавказе, в Татарии, Башкирии, Удмуртии, Чувашии и Марийской республике, Астраханской, Пермской, Нижегородской, Екатеринбургской областях, в Москве, Санкт-Петербурге, ряде городов Сибири и т.д. Руководящими органами верующих мусульман являются независимые друг от друга Духовные управления. На 1 января 1996 г. в России было зарегистрировано 43 Духовных управления мусульман и около 2350 мечетей. Вместе с тем, некоторые исламские лидеры, озабоченные растущей разобщенностью Духовных управлений, выдвигают предложение учредить Совет муфтиев России или иной координационный орган. Духовные управления мусульман осуществляют издательскую деятельность: выпускают Коран и другие книги, журналы, календари, альбомы и буклеты. Более активную религиозно-просветительскую работу среди населения стали вести и мечети. В последнее время было издано значительное количество брошюр религиозного содержания. В крупных городах открыты специализированные магазины, где продается религиозная литература - местная и привезенная из Афганистана, Турции, арабских стран. Проповедническая деятельность ведется на радио и телевидении.

Великие церковные праздники и события.

Беседы на Символ Веры. Беседа 3.

ВО ЕДИНОГО БОГА

В прошлый раз мы говорили с Вами о самом первом слове Символа веры, это слово верую. Действительно, вера есть та фундаментальная реальность, на которой только и могут строиться наши отношения с Богом. Мы говорили о том, что доказать бытие Божие и невозможно, и не нужно, это противоречило бы самому смыслу христианства, поскольку Господь ждет от нас нашей любви. Он надеется на то, что мы сможем принести Ему свой свободный выбор, не такую уверенность в абсолютном существовании Бога, которая не оставляет нам никакого пространства выбора, а напротив - движение свободного сердца. «Полюби Меня», - об этом нам говорит Господь. Сегодня мы продолжаем наше движение по Символу Веры. «Верую во Единого Бога...» - на этих словах мы и остановимся. Что такое веровать во Единого Бога, кто такой этот самый Единый Бог?

Прежде всего хотелось бы упомянуть некоторые неверные представления о Боге, которые в народе широко распространены. Во-первых, очень часто мы считаем, что Бог - это некая философская идея, это первопринцип, как говорят философы, какое-то разумное начало, которое лежит в основе мира, как абсолют, например, в гегелевской философской системе. Но это будет неверно - представлять себе Бога как философский абстрактный принцип, потому что Бог есть Личность, с Ним возможен диалог, мы можем говорить Ему Ты, а изучать Его и строить какие-то абстрактные построения относительно бытия Божия и Его качеств - этого мы никак не можем себе позволить. Другая, тоже распространенная ошибка связана с уклоном в прямо противоположную сторону, когда Бога мыслят как высшее существо, антропоморфное, то есть человекоподобное, и обитающее на каком-нибудь там седьмом или девятом небе. Я помню, когда я была маленькой, для меня очень большим весом обладал такой аргумент в пользу несуществования Бога. Одна моя подружка школьная мне сказала: «Ну, как же? Ведь космонавты летали, и они там Бога не видели». Для детского разума это было действительно мощным аргументом: Его нет на небе, где же Он тогда, этот самый Бог? Значит, Его нет вовсе. Это ошибка, которую может сделать ребенок, но взрослому человеку это немножечко даже и неприлично, потому что Бог не является каким-то существом, пусть даже оно будет всемогущее, потустороннее, обитающее в дивных небесах. Это не так. Мы должны понимать, что Господь абсолютно иной, Он трансцендентный, Он не похож ни на что в этом мире, принципиально находится за его пределами, и в этом смысле Он живет повсюду и нигде. Повсюду, потому что на самом деле предельная глубина бытия есть сила Божия, которая его держит. Нет на свете ни одной вещи, которая бы не пришла в существование благодаря воле Божьей, и если мы опустимся на последнюю глубину вещей, то мы там увидим Бога. Но в то же самое время мы не можем указать такое место, где Господь живет, где Он находится всегда. Бог ни с чем в этом мире не может быть сопоставлен, Ему никакое место нельзя отвести для жительства, Он абсолютно Иной, Он посреди нашей жизни, но недоступен обычному человеческому восприятию и падшей мысли человеческой. Мы исповедуем Бога, Который (и это тоже очень важно) является не одним из Богов, действующих в мире, нет - это Единый Бог, Единый и единственный, Он Создатель этого мира, Он его царь. Нет никакой другой силы, власти, мысли, которая могла бы хоть отдаленно быть с Ним сопоставлена, хоть приблизительно стала бы рядом с Ним.

Мы с вами уже говорили о том, что доказательства бытия Божия невозможны принципиально, потому что их существование нарушало бы свободу человека, но при этом однако же возможны показательства, как говорит один мой знакомый батюшка, показательства и свидетельства. Мы не можем доказать, что Господь есть, но мы можем предложить посмотреть на какие-то вещи, явления, и это поможет нам убедиться своим сердцем - не разумом уже, а сердечным своим зрением - в том, что Господь действительно есть, и Он от нас недалеко.

Прежде всего само творение рассказывает нам о Творце. Святой Василий Великий сказал когда-то, что Господь оставил нам две замечательных книги, это Священное Писание и книга мироздания, тот самый мир, в котором мы живем. Если мы посмотрим на этот мир не с точки зрения наших повседневных невзгод, тягот и так далее, а посмотрим на него как на великое целое, то мы увидим, что в этом мире есть и порядок, и красота, и правда, и мудрость, и необыкновенно радостным окажется мироздание. Восторг охватывает человеческое сердце при созерцании великих деяний Божиих. Любая травинка, любое животное, любой камень может

сказать нам о том, сколь благ и прекрасен Господь и сколь Он мудр, если Он сотворил столько прекрасных вещей и гармонию создал между ними, ведь мир, который не разрушается человеческой рукою, живет в великой гармонии, в таком царственном равновесии.

Кроме того, доказательством, показателем бытия Божия может служить для нас и собственная духовная жизнь, потому что в каждом человеческом сердце действительно есть жажда счастья и справедливости, которая никак не выводится из биологии или психологии человека. Не выводится она и из социальных условий, потому что мир вовсе не говорит нам о том, что мы должны быть добры, что мы должны любить, напротив, он нас подталкивает к совершенно противоположным вещам, но однако же любой нормальный человек понимает, что есть на свете и правда, и красота, и радость, и много чего хорошего есть. Так вот, самое, может быть, прекрасное, что живет в сердце человеческом, - это желание Бога, стремление к Нему. Одна из интереснейших книг в истории христианства - это «Исповедь» Блаженного Августина, который прошел очень сложный духовный путь. Увенчался этот путь его святостью, он был епископом и служил церкви, но пришел он к этому вовсе не просто и не легко. Так вот, Августин написал книгу под названием «Исповедь», и в этой книге он как раз рассказывает о своем духовном путешествии, о том, как он стал христианином. Есть в этой книге такие чудные слова: «Ты создал нас для Себя, Господи, и беспокойно мятется сердце наше, пока не обретет покой в Тебе». Так говорит Блаженный Августин, и действительно, не будет у человека полноты до тех пор, пока он не повстречается с Богом. Эта жажда, которая живет в глубине сердец человеческих, тоже указывает нам на то, что Господь есть, потому что если бы Его не было, мы бы не стремились к Нему так сильно.

На самом деле, ведь история не знает нерелигиозных обществ. Всегда у человечества была религия как стремление к Богу, желание восстановить связь с Ним, утраченную на заре времен, и это не случайно, это тоже свидетельство в пользу того, что Господь есть и мы можем найти к Нему какие-то пути. Так вот, если уж мы заговорили о религиях различных, то чем отличается христианство от других религий? Иногда можно встретиться с таким категоричным подходом к этому вопросу, когда люди говорят, что есть истина, и она, конечно же, в православии, а все остальное - полная чепуха. Вряд ли мы можем так решительно отрицать весь духовный опыт человечества, потому что те люди, которые родились до Рождества Христова, вовсе не были виноваты в том, что тогда не было проповедано Евангелие, и их поиск Бога, их духовное усилие, открытость, горение сердца - все это заслуживает большого уважения. Бог совершенно иной по отношению к этому миру, мы говорили об этом, и человек не может постигнуть Бога. Однако же в человеке, в любом человеке в силу его богоподобия есть частица Духа, которая как раз ищет и жаждет Бога, и поэтому всегда в основе любой религии лежит праведное, достойное чувство человеческое, обращенное к Творцу, - поиск истины, поиск смысла. Бог действительно непостижим, и поэтому Он открывается нам ровно настолько, насколько Он хочет это сделать. В любой религии есть какая-то частица божественного откровения, но она очень невелика, потому что если человек своими силами хочет войти на небеса, то сделать это ему нелегко, и даже очень трудно. Христианство потому и занимает такое особое место среди других религий, что это не результат человеческих усилий, а Откровение: Господь Сам пожелал открыться людям, и во Христе Бог открывается до такой удивительной степени, что Он становится человеком. Поэтому библейское богословие - это уже не результат

исканий человеческих, это не результат некоего духовного подвига в отрыве от Господа, но то, что Господь считает нужным рассказать о Себе настолько, насколько люди могут это вместить.

При этом очень важно сказать, что в Библии нет трактата о Боге, это не научное сочинение, Господь не является предметом изучения, Его не описывают со стороны в этой книге. Библия не приглашает нас размышлять о Боге, это слово Бога, обращенное к нам, это призыв послушать, что Он говорит, и ответить Ему на это верой, служением, любовью своей. С другой стороны, христиане никогда не говорят о том, что Библия есть только слово Божие, нет, церковь как раз учит о богочеловеческом характере Священного Писания. Если, например, в исламе Коран есть книга, написанная просто под божественную диктовку, то о Библии никто из богословов христианских ничего подобного не говорит. Напротив, считается, что Библия - книга, которая стала результатом совпадения двух великих движений: движения Бога навстречу человеку и ответного движения человеческой души, обращенной к Богу. Поэтому в любой Книге и Ветхого и Нового Завета мы увидим эту богочеловеческую природу Писания: Библия - это слово Божие, но в любом из сочинений, которые вошли в библейский канон, сохраняется личность автора, священнописателя, его темперамент, его жизненный опыт, его какие-то неповторимые особенности. Это очень важно, потому что христианство - это религия, которая последовательно признает человеческую свободу, стоит на основании человеческой свободы, и в любой книге библейской мы узнаем не только о Боге, но и о человеке.

Иногда нам кажется: прочитай Библию как следует - и все будет понятно, мы все узнаем. На самом деле это тоже не так. Бога не вмещают ни небо, ни небеса небес, и никакая книга, даже такая замечательная книга, какой является Библия, не может вместить Бога полностью и целиком. Владыка Антоний Сурожский однажды сказал, что, по слову одного из Отцов Церкви, все, что мы говорим о Боге в соответствии с Его собственным Откровением и с опытом Церкви, может оказаться предельной истиной для земли, но это не является всецелой истиной для Бога. Это предел нашего человеческого разума, но это не Божественная сущность, выраженная в слове, потому что Бог всегда больше любых наших слов о Нем, больше всего, что мы можем о Нем сказать, и если уж это верно для Библии, то тем более это верно и для наших размышлений. Все, что я вам говорю, - это скорее попытка сориентировать вас, направить ваши собственные размышления и собственные искания Бога, а никак не исчерпывающее определение того, кто такой Господь есть. «Бога никто никогда не видел» (Ин 1.18; 1-е Ин 4.12), - так говорит Священное Писание, и не может видеть. Кто видел Бога, тот должен умереть: «Человек не может увидеть Меня и остаться в живых» (Исх 33.20), даже такие есть утверждения в Ветхом Завете. Однако же, Господь уже тогда, в ветхозаветную эпоху, давал познавать себя в каких-то образах, и на страницах Библии есть немало рассказов о том, как люди встречались с Богом, как происходили эти удивительные встречи в истории. Мы с вами посмотрим на эти истории, потому что они действительно очень много нам расскажут и о Боге, и о человеке, о тех людях, которые с Ним встречались.

Одним из таких избранников, который говорил с Богом, был Моисей, один из величайших пророков. Его история рассказывается в Книге Исхода, как вы знаете. Моисей был человеком удивительной судьбы. Он родился в те времена, когда еврейский народ подвергался геноциду со стороны египтян, и поэтому Моисей от рождения был обречен, но его мать не смогла младенца отдать на убиение. Она его сохраняла дома столько, сколько это было возможно, а когда она поняла, что

больше не может его прятать, то взяла корзиночку, обмазанную асфальтом и смолой (Исх. 2), положила туда Моисея и опустила его в воды реки. Сестра Моисея в это время шла по берегу и смотрела, что происходит с младенцем. Так Моисей оказался у египетской царевны. Дочь фараона именно в тот момент, когда корзинка эта была опущена на воду, оказалась на берегу, и она взяла ребенка себе, но при этом кормилицей Моисея была его родная мать, и он получил таким образом очень интересное воспитание: с одной стороны, он воспитывался как свободный человек и даже как член царской семьи, но с другой стороны, поскольку его кормилицей была его мать, тайна его принадлежности к еврейскому народу была ему открыта, для него это было не секрет. В конце концов, Моисей однажды попал в неприятную историю: он случайно в драке убил человека, и боясь, что это делается открытым и его накажут, Моисей бежал. В пустыне он женился, он пас там овец тестя своего, Иофора, и однажды Моисей увидел странную и удивительную вещь. Вот как об этом рассказывается в третьей главе Книги Исхода:

«Моисей пас овец у Иофора, тестя своего, священника Мадиямского. Однажды провел он стадо далеко в пустыню и пришел к горе Божией, Хориву. И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает. Моисей сказал: пойду и посмотрю на сие великое явление, отчего куст не сгорает. Господь увидел, что он идет смотреть, и воззвал к нему Бог из среды куста, и сказал: Моисей! Моисей! Он сказал: вот я, [Господи]! И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая. И сказал [ему]: Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова. Моисей закрыл лицо свое, потому что боялся воззреть на Бога. И сказал Господь [Моисею]: Я увидел страдание народа Моего в Египте и услышал вопль его от приставников его; Я знаю скорби его и иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей [и ввести его] в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед, в землю Хананеев, Хеттеев, Аморреев, Ферезеев, [Гергесеев,] Евеев и Иевусеев. И вот, уже вопль сынов Израилевых дошел до Меня, и Я вижу угнетение, каким угнетают их Египтяне. Итак пойди: Я пошлю тебя к фараону [царю Египетскому]; и выведи из Египта народ Мой, сынов Израилевых. Моисей сказал Богу: кто я, чтобы мне идти к фараону [царю Египетскому] и вывести из Египта сынов Израилевых? И сказал [Бог]: Я буду с тобою, и вот тебе знамение, что Я послал тебя: когда ты выведешь народ [Мой] из Египта, вы совершите служение Богу на этой горе. И сказал Моисей Богу: вот, я приду к сынам Израилевым и скажу им: Бог отцов ваших послал меня к вам. А они скажут мне: как Ему имя? Что сказать мне им? Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий. И сказал: так скажи сынам Израилевым: Сущий [Иегова] послал меня к вам» (Исх 3.1-14).

Это рассказ, который содержится в Книге Исхода, и в рассказе этом очень много удивительного. На самом деле, тут есть о чем поговорить и на что посмотреть внимательно. Посмотрите, что является причиной встречи Моисея с Богом? Простое человеческое любопытство. Моисей со своими овечками ходит по пустыне, и вдруг он видит этот чудный куст, который объят пламенем и не сгорает. Он говорит сам себе: «Пойду-ка я посмотрю, что это за чудное явление». Не случайно то, что обыкновенное любопытство, способность удивляться - это и есть основание для встречи с Богом в жизни Моисея. Человек, которому все на этом свете понятно, ничего не интересно, может быть, не имеет никаких шансов стать верующим, потому что ему и так хорошо, он и так сам себе умный. Зачем же ему еще какие-то дополнительные знания и нагрузки интеллектуальные? Моисей как раз был не таков, он имел это удивительное качество - любопытство, способность удивляться, интересоваться чем-то, пойти через пустыню, может быть, даже довольно далеко

для того, чтобы взглянуть на что-то интересное.

Он подходит к пылающему кусту и слышит голос Божий. Не случайно Господь является ему именно как огонь. Когда у нас с вами потом пойдет речь о Духе Святом, мы будем говорить, что чаще всего библейское повествование представляет нам Духа Святого в образах стихий природных. Это ветер, потоки воды или вот такой огонь пылающий, потому что Бог действительно не имеет формы, но имеет силу, не имеет образа, но присутствие Его совершенно очевидно. Так вот, Бог является Моисею как огонь, пылающий огонь, но при этом огонь не повреждает ту материю, которая объята пламенем. Куст терновника горит и не сгорает, он пылает ярко, но при этом остается невредимым. Есть икона Богородичная, которая так и называется Неопалимая Купина в память об этом рассказе, потому что кто иной на белом свете, как Святая Дева, соприкоснулся с Богом так тесно? Она Его во чреве своем носила целых девять месяцев, и однако же, она сохранилась, не разрушилась от присутствия Божественного в такой близости немыслимой, хотя мы говорили, что видеть Бога - это означает умереть. Нельзя к Нему приблизиться, а она приблизилась, как никто другой. Неопалимая Купина - это один из образов Богородицы в Ветхом Завете, согласно толкованиям ветхозаветных текстов.

Моисей встречается с Богом в образе этого куста пылающего, и Господь обращается к нему первым, Он зовет его по имени, говорит ему: «Моисей! Моисей!» Моисей отвечает: «Вот я, Господи!» Бог обращается первым, и Он не просто зовет человека: «Человече, подойди ко Мне», - Он называет его по имени. Это момент очень важный в Писаниях пророческих. Например, у Иеремии есть такие слова. Когда Господь призывает пророка Иеремию, Он говорит: «Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя» (Иер 1.5). Получается, что Бог ближе к человеку, чем его собственные родители, потому что прежде чем человек соткнется во чреве матери своей, Господь уже знал его и назвал его по имени. Имя человеческое имеет очень большое значение. Мы не можем сказать, что имя - это просто знак, который отличает одного человека от другого, просто такой опознавательный сигнал. Напротив, имя указывает на самую глубокую сущность человеческую, на его место, которое он занимает в этом мире, в бытии, на смысл его личности. Оказывается, что познать Бога - это вовсе не означает совершить какое-то усилие интеллектуальное, духовное открытие. Нет, это означает просто открыться Ему, быть познанным Им: Господь первый видит Моисея, обращается к нему, зовет его по имени. Встреча с Богом становится возможна усилием открытости нашей. Не нужно далеко ходить, нужно увидеть то, что есть рядом с нами. Простота, с которой Моисей отвечает Богу, говорит: «Вот я, Господи!», напоминает нам, может быть, праотца Авраама, который тоже когда-то услышал голос Божий и так просто откликнулся на это. Господи ему сказал: «Встань и иди» (Быт 12.1) - он встал и пошел.

С Моисеем, правда, все не так просто, потому что Моисей не хочет вот так сразу отправиться в направлении, которое указывает Господь. Господь ему говорит: «Пойди и выведи народ Мой из Египта». Моисей тогда на это отвечает: «А кто я такой?» Я человек маленький, имеется в виду, почему я должен туда идти? Господь ему говорит: «Не бойся, Я буду с тобой». Казалось бы, что еще нужно человеку? Господь говорит: «Я буду с тобой» - кажется, что уже бояться нечего, но Моисей не останавливается на этом, и он задает следующий вопрос, весьма дерзновенный. Он говорит: «Вот я приду к ним, а они спросят - кто тебя послал, как Ему имя? Что же мне тогда им отвечать?» Вопрос этот для нас, может быть, не включает в себе ничего особенного, но для людей древней культуры это вопрос очень и очень

серьезный. Почему? В свете того, что мы с вами говорили уже об имени только что, понятно, что узнать имя - это означает узнать самое главное, узнать смысл. Если в имени человека заключена его глубинная сущность, то же самое и с именем Божиим. Узнать имя Бога - предельно приблизиться к Нему, и Моисей именно этого и желает, именно это он дерзает узнать. Он говорит: «Скажи мне, кто Ты; скажи мне самое главное о себе - как Твое имя». Бог ему отвечает: «Имя Мое Сущий (Яхве)».

Это слово еврейское, Яхве, происходит от глагола, означающего быть, существовать, а еще точнее - от формы первого лица этого глагола, я есмь, и не случайно то, что именно с бытием, существованием связано это имя Божие. Господь существует - это, может быть, самое главное, что можно сказать о Нем. Он есть, Он первый и последний, Альфа и Омега бытия. В предельной глубине всех вещей, всех явлений мы и находим присутствие Божие, и поэтому, когда Господи говорит Моисею: «Я Сущий (Ягве)», то Он говорит о себе что-то очень важное, тайное и сокровенное. Моисей, правда, даже на этом не остановился: он потом еще просил чудес, говорил: «А, может быть, Аарон пойдет, потому что я человек не речистый», но однако же, пришлось-таки ему этот подвиг веры совершить и вывести свой народ из Египта.

Эта встреча Моисея с Богом вовсе не была единственной, и если вы читали Книгу Исхода, то помните, что сам Господь шествовал перед Своим народом в образе столпа огненного ночью и облачного столпа днем. Все могли видеть его, этот огненный столп, пламенеющий в ночи. Но Моисею довелось еще поговорить с Богом, и другая его встреча была связана с тем, что он получил от Господа десять заповедей, те самые Скрижали Завета, на которых были записаны самые главные нравственные принципы, необходимые для исполнения избранным народом. Когда Моисей встретился с Богом уже во второй раз лицом к лицу, он тогда обратился к Нему с другой просьбой, еще более дерзновенной даже, чем просьба назвать имя. Но, правда, Господь дал для этого Моисею некоторые основания.

«Моисей сказал Господу: вот, Ты говоришь мне: веди народ сей, а не открыл мне, кого пошлешь со мною, хотя Ты сказал: Я знаю тебя по имени, и ты приобрел благоволение в очах Моих; итак, если я приобрел благоволение в очах Твоих, то молю: открой мне путь Твой, дабы я познал Тебя, чтобы приобрести благоволение в очах Твоих; и помысли, что сии люди Твой народ. [Господь] сказал [ему]: Сам Я пойду [перед тобою] и введу тебя в покой. [Моисей] сказал Ему: если не пойдешь Ты Сам [с нами], то и не выводи нас отсюда, ибо по чему узнать, что я и народ Твой обрели благоволение в очах Твоих? не по тому ли, когда Ты пойдешь с нами? тогда я и народ Твой будем славнее всякого народа на земле. И сказал Господь Моисею: и то, о чем ты говорил, Я сделаю, потому что ты приобрел благоволение в очах Моих, и Я знаю тебя по имени. [Моисей] сказал: покажи мне славу Твою. И сказал [Господь Моисею]: Я проведу перед тобою всю славу Мою и провозглашу имя Иеговы пред тобою, и кого помиловать - помилую, кого пожалеть - пожалею. И потом сказал Он: лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых. И сказал Господь: вот место у Меня, стань на этой скале; когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расселине скалы и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду; и когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лице Мое не будет видимо [тебе]» (Исх 33.12-23).

Этот рассказ из Книги Исхода загадочный. Откуда у Бога лицо, спина, рука? Мы только что говорили о том, что невозможно помыслить Бога в формах человеческих,

антропоморфно - а вот говорит же священнописатель эти самые слова: и лицо, и спина (задняя Моя, как по-старославянски писано в Книге Исхода). О чем здесь речь? Речь идет о том, видимо, что когда человек встречается с Богом, то он переживает встречу с совершенно запредельной реальностью, которая никак не поддается описанию человеческими словами. Это опыт, который существует, но сообщить его очень трудно, просто нет для него подходящих слов в нашем языке, и когда священнописатель вступает на путь передачи своего опыта богообщения, то он вынужден пользоваться какими-то символическими обозначениями. Поэтому иногда в библейских рассказах появляются и очи, и руки, и лицо, и спина Божия, Адам слышит шаги Господа в раю во время прохлады дня. Все это связано именно с тем, что непосильно человеческому языку передать сложную реальность богообщения, и возникают тогда обращения к символам.

Вот что здесь еще замечательно. Моисей обращается к Богу с просьбой весьма дерзкой: «Я хочу Тебя увидеть, покажи мне славу Твою», и Господь отвечает на молитву Моисея даже при такой ее дерзости, запредельной почти. Между Богом и человеком существует действительно непроходимая пропасть: «Человек не может увидеть Меня и остаться в живых» (Исх 33.20), - говорит Господь, однако же по милости Божьей, по Его благосклонности, благоволению к Моисею даже это делается возможным. Он закрывает его рукой своею, и Моисей видит Славу Божию. После этого,

«Когда сходил Моисей с горы Синая, и две скрижали откровения были в руке у Моисея при сошествии его с горы, то Моисей не знал, что лицо его стало сиять лучами оттого, что Бог говорил с ним. И увидел Моисея Аарон и все сыны Израилевы, и вот, лицо его сияет, и боялись подойти к нему. И призвал их Моисей, и пришли к нему Аарон и все начальники общества, и разговаривал Моисей с ними (Исх 34 29-31).

Сияние Божественной Славы отразилось на лице Моисея. Моисей увидел Бога, Отца Светов, и поэтому печать света Божественного, Славы Божественной сохранялась какое-то время на его лице. От него действительно исходило нестерпимое сияние, и не могли на него смотреть люди. Когда через много веков Господь Иисус Христос преобразился на горе Фаворской, то ученики Его тоже увидели свет. О свете Преображенском потом будет речь у нас с вами, а пока вот что для нас важно: встреча с Богом позволяет и самому человеку просветиться, отраженным сиянием засиять. Множество есть рассказов про святых, которые излучали такой божественный свет. В нашей русской традиции, может быть, самая знаменитая история - это рассказ о Серафиме Саровском. Когда однажды человек по имени Мотовилов попросил его показать ему, что же такое Дух Святой, тогда батюшка преобразился на глазах его и просиял. Мотовилов рассказывает, что ему было необыкновенно тепло, хорошо, уютно, в этот серенький зимний денек он пережил омытость этим Божественным светом.

Другой персонаж библейский, который встречается с Богом, и встреча эта тоже очень важна, по-другому, правда, - это пророк Илия. О нем я не буду так много говорить, как про Моисея, однако напомним вам эту историю. Пророк Илия жил во времена израильского царя Ахава, а этот самый Ахав женился на Иезавели. Иезавель была язычницей, это была сидонская царица, и она привезла с собой культ Ваала, ложного бога, и не просто ложного, а достаточно жестокого и кровожадного, потому что культ Ваала требовал человеческих жертвоприношений. Жена Ахава, царица Иезавель поклонялась Ваалу.

«И сказал Илия [пророк], Фесвитянин, из жителей Галаадских, Ахаву: жив Господь Бог Израилев, пред Которым я стою! в сии годы не будет ни росы, ни дождя, разве только по моему слову (3Цар. 17).

Этим Илия вызвал гнев царя и царицы. Он вынужден был удалиться из страны, и вот Господь ведет его в пещеру, которая находится на берегу потока, вороны туда приносят пищу Илии. А в царстве Ахава тем временем начинается голод. Царь однажды ищет пастбище и встречает пророка Илию, и тогда Илия предлагает состязание между ним одним и жрецами Ваала, которых было четыреста пятьдесят. Очень красиво в третьей Книге Царств описывается этот поединок священный, когда предлагается низвести огонь с неба и возжечь гору дров. При этом жрецы Вааловы, как они там ни камлали, ни стремились что-то сделать, у них ничего не вышло, хотя их было четыреста пятьдесят человек. Илия же был настолько уверен в своей победе, что он даже предложил облить эту гору дров водою, и ему по его молитве удалось возжечь огонь. Это было очень ярким свидетельством, жрецы Вааловы были посрамлены, и по молитвам Илии Господь ниспослал большой дождь, то есть бедствия в этой стране закончились одновременно с засильем чуждых и жестоких культов языческих. Так вот после того, как все завершилось благополучно, Илия удалился на ту же самую гору Хорив и ночевал там в пещере. И сказал Господь Илии:

«Выйди и стань на горе пред лицом Господним, и вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, [и там Господь]» (3 Цар 19.11-12).

Эти слова веяние тихого ветра по-старославянски еще краше звучат, так сказано, в старославянской Библии: глас хлада тонка. Так вот, Господь не в мощных этих явлениях, не в землетрясении, шквальном ветре, Он - в веянии тонкого холода. Мы очень часто встречаем в людях и в самих себе, конечно, тоже, жажду чуда и силы. Нам хочется поклоняться силе какой-то: увидеть шторм, землетрясение - и это будет для нас убедительно. Но Господь не идет навстречу этим желаниям, Он говорит, что не в ветре Господь и не в землетрясении, а вот в этом самом веянии тихого ветра. Поэтичное выражение, на самом деле красивое: веяние из каких-то иных прекрасных миров, может быть, с райских берегов, где Господь ходил во время прохлады дня. И что еще в этом рассказе о пророке Илие важно, так это то, что Господь всегда разный. Только что по молитве Илие было совершено такое мощное, красивое чудо. Казалось бы, Илия должен был убедиться и укрепиться в своем убеждении, что Господь - это действительно сила, власть, мощь, но Господь опровергает эту его внутреннюю убежденность, Он говорит, что нет, Он не в силе, а как раз в тишине, в тонком холоде. Поэтому если мы хотим Богообщения в своей жизни, то это требует от нас внимания. Невозможно выучить что-то про Бога и всегда выученным руководствоваться. Господь имеет полное право не соответствовать никаким нашим знаниям и ожиданиям: Он всегда разный, всегда другой, и для человека очень важна открытость, способность увидеть Бога не там, где мы хотели бы, а там, где Он сам захотел с нами встретиться в сегодняшний день нашей жизни. На этом мы сейчас с вами закончим, а в следующий раз продолжим тему Единого Бога: кто Он и что мы о Нем узнаем из Священного Писания и из Предания Церкви.

Обычное Божественное чудо.

Спасение от смертельной болезни

В письме из города Пензы, полученном 20 августа 1903 года, Александра Петровна Агринская известила о следующем: Единственный сын её, Владимир, 15-ти лет, заболел воспалением мочевого пузыря и страдал так сильно, что просил мать помолиться о его смерти; мать молилась, чтобы вместе с сыном умереть и ей. Это было 21 июля. Молился Владимир тогда и преподобному отцу Серафиму (Саровскому - Ред.); на другой день, 22 июля, хозяйка их квартиры принесла больному газету, в которой он прочёл о чудесах от преподобного и пожелал отслужить ему молебен; попросил мать пригласить священника с иконой преподобного, что тогда же было исполнено, и молебен отслужили. Всю ночь после этого, на 23 июля, больной спал, а утром объявил матери, что у него всё прошло, даже опухоли, не позволявшей ему сидеть, как не бывало.

Об этом дивном исцелении пишущая извещает к прославлению новоявленного угодника Божия и чудотворца, преподобного отца Серафима...

Немного юмора. :-)

Священник чинит табуретку в своём саду. Вдруг он обнаруживает, что за его действиями, исподтишка, наблюдает компания окрестных мальчишек.

-Вы что, дети мои, хотите научиться забивать гвозди? - спрашивает он.

-Нет. - отвечает один из мальчиков. - Мы хотим услышать, что говорит священник, когда попадает молотком себе по пальцам.

Наши контакты

Похвальное Слово Июнь 2013 стр.50
Наш адрес г. Волгоград, ул. Череповецкая
92/2 Индекс 400120

Телефоны (8442)94-39-93, 8 988-970-49-83

Наш имэйл hgrampohvala@yandex.ru

Проехать до Храма можно по 2-ой продольной улице Волгограда на маршрутках:
3с,8с,260,77,80,80а,96,14,13к,62а,93с,91а,40 .

Автобусами:

102,77 ...

Сайт храма

www.Pohvala-hram.ru

Наш благотворитель в области печатных потребностей www.dtspost.ru

Наш благотворитель

www.poyma-34.ru

Просим Ваших молитв.

Просим Ваших христианских молитв за всех кто трудится для того, чтобы этот журнал выходил в свет:

За рабов Божиих:

Иерея Евгения со сродниками,

Алексия, Ольгу, Филиппа, Ульяну, Игоря, Олега, Станислава.

А так же за студентов Богословских курсов имени свт. Димитрия Ростовского при нашем храме, благодаря студенческому усердию которых развивается интеллектуально-богословская жизнь нашего прихода :

Анну, Тамару, Галину, Ксению, Елену, Ларису, Нину

К слушанию курсов приглашаются все желающие. Занятия проходят каждое воскресенье в трапезной храма с 17.00 до 21.00. Университетская программа. Без экзаменов и зачётов. Теоретические и видео уроки. Учимся, потом пьём чай, беседуем и снова учимся!

Приходите :-)